

ВАЛЕРИЙ ТУРОВ

ФИЗРУК

НА СВОЕЙ ВОЛНЕ

18+

Обратный попаданец

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне

«Автор»

2026

Гуров В.

Физрук. На своей волне / В. Гуров — «Автор»,
2026 — (Обратный попаданец)

Матёрый, но правильный авторитет из девяностых погибает. Его сознание переносится в наше время, в тело обычного школьного физрука. Завуч трясёт отчётность, родители собачатся в чатах, а «дети» залипают в телефонах и качают права. Но он не привык прогибаться. Только вместо пистолета у него свисток, а вместо верных братков — старшеклассники-недотёпы, которые и отжаться толком не умеют. А еще впереди — областная олимпиада, и если школа ее не выиграет, то ее грозятся закрыть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне

Глава 1

Пацаны занимались в нашей подвальной качалке. Тянулись на турниках, били по мешку, обмотанному изолентой. Я прошёл вдоль ряда, посмотрел на каждого.

– Чего ты её как бабу гладишь! Давай: голова – голова – туловище, трижды на взрыв, – сказал я, глядя на парня, что бил грушу.

Он мотнул головой и прибавил, кулак уже красный, костяшки ободраны.

– Лучше тут себе руки в кровь разобьёшь, чем завтра на улице разобьют о твою голову, – я съездил ему подзатыльник, подбадривая.

Зал мой был открыт 24/7 и по сути был моим домом, крепостью, в которую превратился за последний год. Время было непростое, мы выживали как могли. А имея под рукой два десятка крепких бойцов, выживать было проще. К тому же и пацанам хорошо – никто по подворотням не разбредается. Мы тут как одна команда, и я, как локомотив, пружу вперёд...

Дверь в подвал скрипнула. На пороге стояла женщина. Обычная, в простом пальто по погоде, но глаза... красные, губы дрожат. Я узнал её мгновенно. Маша, сестра моего боевого товарища. Того самого, с кем мы делили сухпай и сигареты в Чечне, кого хоронили все вместе...

Она переминалась с ноги на ногу, не решаясь пройти. Я махнул пацанам:

– По парам. Бинтуем руки, надеваем перчатки. Кто филонит – и увижу, побежит три круга вокруг зала.

Пацаны начали готовиться к спаррингам.

– Заходи, – кивнул я на дверь в подсобку. – Вижу же, не просто так пришла.

Маша шагнула внутрь, и свет лампы осветил её лицо. По щекам блестели дорожки слёз.

– Володя... – её голос дрогнул. – Мне... мне надо поговорить.

Я сразу понял, что новости будут плохие. И что бы это ни было – спокойной жизни мне уже сегодня не видать.

Я провёл её через зал, мимо пацанов, в «кабинет». Узкая комнатка с железным сейфом в углу, на стене – пыльные кубки и медали, давно никому не нужные. Чуть выше – рамка с фотографиями тех, с кем мы когда-то стояли плечом к плечу. Под фото висел ещё советский флаг, потемневший от времени.

Маша присела на край стула, попыталась унять дрожащие руки.

– Володя... Лёньку избили.

Я молчал, только сжал зубы.

– Эти... возле школы, – она затаила дыхание. – Дурь толкают. Он не стерпел, влез. А они его... ногами, по лицу.

Маша запнулась, спрятала лицо в ладонях, борясь с душащими слезами. Я молчал, понимая, что она не договорила. Лёнька был моим крестником, сыном Яши... которого с нами больше нет.

– Леньку в больницу увезли. В милиции говорят: «Не лезь, у них крыша»...

Я вроде и смотрел на Машу, но взгляд застыл на снимке на стене за её спиной. На нём мы с Яшей стояли в обнимку в военной форме. Я дал ему слово, что присмотрю за пацаном, помогу Маше, которая взяла над Леней опеку. Пацан был полным сиротой – мать умерла при родах, а Яша сгинул на войне.

В памяти всплыла и другая картина: моя больная мать, я бегал и искал работу ещё до войны. Но работы нигде не было и денег на лекарства у меня не было тоже. Яша помог... принёс пачку таблеток, оплатил лечение и сказал тогда: «Держись, Вован. Мать твою вытянем». А потом нехотя признался, что, чтобы мне помочь, продал свой старый «Москвич».

Я перевёл взгляд с фотографии на Машу. Губы у неё всё ещё тряслись, глаза блеснули.
– Разберёмся.

В подвале качалки сеть ловила плохо. Я поднялся наверх, вышел на улицу. На углу ларька толпились мужики. На витрине продавали паленую водку, на этикетках красовались криво наклеенные фальшивые акцизки. Пацаны из соседней школы, шмыгая носами, крутились рядом, делая вид, что не при делах. А я знал, что там им «по знакомству» могли налить стакан палёного спирта «для храбрости».

Я задержал взгляд. Возле школы, угол которой я хорошо видел, в «копейке» сидели двое барыг. Они не прятались, не зондировали почву и работали в открытую, как хозяева.

Один высунул руку в окно, поманил школьника, что проходил мимо. Тот замялся, но подошёл.

В этот момент по улице медленно проползла ментовская «шаха» с мигалкой. Ларёчник шустро нырнул внутрь, вытащил из-под прилавка заранее приготовленную сумку. Мент вышел, будто для проверки, но вместо того, чтобы прикрыть лавочку, молча забрал сумку и, даже не взглянув на товар, вернулся в машину. На барыг он даже и внимания не обратил...

Я молча смотрел. Зараза проникала на улицы постепенно. «Сверху», со стороны «старших», мне было рекомендовано не дёргаться, если что-то подобное начнётся. Потому что так решили «серьёзные люди». А меня просто поставили перед фактом, видимо сочтя, что я буду терпеть.

Не буду.

Да по закону тут ничего не решить. Всё схвачено... и единственный вариант – выжигать это дерьмо калёным железом.

Я отошёл за угол, достал из кармана старый «кирпич» – тяжёлый, с протёртыми кнопками. Нажал вызов. Гудки тянулись долго, наконец щёлкнуло соединение.

– Алло, – раздался голос бригадира.

– Кто это к нам зашёл? – я сразу перешёл к делу.

На той стороне повисла пауза.

– Это люди Бармалея. Воло, а чё кипишуешь? Сказано же всем поддержать... А тебе разве ещё не звонили по ситуации? – осторожно спросил он.

– Нет, – отрезал я.

– Ну... скоро позвонят. Разъяснят, как работать теперь.

– А ты теперь работаешь с ними? – прямо спросил я.

И опять повисла тишина.

– Да, Вова... Ты смотри там... не шуми. Башку открутят на счёт три.

Я ничего не ответил. Просто нажал «сброс».

Экран мигнул, телефон замолчал.

Я стоял, сжимая его в ладони, ощущая, как неприятно засосало под ложечкой. Я постоял ещё минуту, переваривая новые вводные. А потом спрятал трубу в карман и пошёл во двор. Там под облезлым фонарём стояла «копейка» с тонированными стёклами. Двигатель тархтел, из-под колёс тянуло дешёвым бензином. Двое барыг сидели в салоне, окна приоткрыты, дым сигарет в салоне висел облаком.

Рядом крутились пацаны лет пятнадцати. Один из барыг высунулся из окна, ухмыльнулся:

– Ну чё, попробуй не ссы, малой. Тебе ж дружок рассказал, как кайфово? Да бесплатно, чё ты менжешься...

Сопляки тянулись к «дури», как мотыльки на свет. Малой подошёл, схватил ее и было попытался свалить куда-нибудь в подворотню.

Правда далеко не ушёл.

– Стоять! – рявкнул я.

Малой застыл, и прежде чем успел убежать, я вытянул ладонь.

– Сюда дай.

– Э... э... – замялся пацан.

Но меня он знал, и знал, что я могу повторить просьбу по-другому. Сунул мне небольшой сверточек и дал дёру.

Я посмотрел на сверточек из фольги, сжал в кулак и подошёл ближе к «копейке», в свет фонаря.

– Э, братан, давай подходи, – крикнул барыга, глядя на меня. – Тебе тоже «на пробу»?

Я молча подошёл к машине, схватил барыгу за шиворот и, не открывая дверь, вытащил этого урода через окно. Второй не успел понять, что происходит – я ударил его ногой, выключил.

– Ты чё, мужик, совсем волю почувствовал?! Ты не в курсе, на кого мы работаем?!

– Жуй, сука... – отрезал я и запихал барыге в рот свёрток из фольги.

Вытащил ствол, пальнул в землю – земляной фонтанчик брызнул в десятке сантиметров от барыги. Он начал отползать, упёрся спиной в колесо «копейки», и я навёл ствол ему на лоб.

– Передай своим, что здесь дури не будет. Ни грамма, слышишь?

Он захрипел, закивал.

Из «копейки» донёсся сиплый голос второго, видимо очухавшегося:

– Тебе крышка, понял?!

Первый барыга вскочил на ноги, запрыгнул на водительское кресло «Жигулей» и дал по газам, даже не закрыв дверь.

Я развернулся и пошёл обратно. Я видел смерть, и видел не раз. Но эти двое куда страшнее, чем пустая гильза под ногами... Если дать им дорогу, то завтра весь район будет подсажен на эту дрянь.

Телефон завибрировал прямо в кармане, когда я ещё не успел вернуться в зал. Я достал «кирпич» и услышал из динамика уверенный голос, с привычкой не говорить лишнего.

– Вован, – послышалось без приветствий. – Ты чё там воду мутишь, не понял? Тебе знак уже давали.

Неожиданно... мне позвонил авторитет Аля Крещёный.

– Дури у меня на районе не будет, – спокойно заверил я.

– Да погоди, не мороси, Вован, сегодня вечером будет стрелка. Люди уважаемые, конкретные, пояснят тебе по ситуации... – начал вертеться ужом Аля. – Короче, чёрный «мерин» увидишь и подсаживайся. Только с пацанами подъезжай, груз принять надо.

Я промолчал пару секунд, будто обдумываю. Понял, что Аля уже прогнулся под гастролеров.

– Буду, – сказал я коротко.

– Вот и молодец. Только без глупостей давай, – голос Крещёного стал резче. – Теперь порядок новый. Не дёргайся, а то сам себе яму роешь.

Я сбросил вызов. Стоял, слушая, как ветер гнал пустую банку «колы» по асфальту. Мои близкие пацаны из спортзала сейчас бьют грушу, думают, что район держится на стенах нашего подвала. А район уже поделили, расписали, кому где травить.

Все отступили. Даже Аля, который прошёл Афганистан и в конце восьмидесятых выжигал наркотрафик калёным железом.

Остался я.

Но если я тоже шагну назад... значит, предам пацанов, с кем воевал в Чечне, которым обещал, что защищу район от мрази...

Я вернулся в комнату, запер за собой дверь. Погрузился в тишину – только старые часы на стене тикали так, будто отсчитывают последние минуты.

Подошёл к сейфу. Внутри, среди пачек потрёпанных бумаг и баксов, лежала граната. Старый трофей. Я привёз её из Чечни на память. Когда мы попали в засаду, я хотел ей подорваться и прикрыть отход пацанов... не понадобилось. Яшка тогда меня спас. И вот теперь настала моя пора спасать. Его сына, сестру, пацанов... да и самого себя, в конце концов.

Я взял гранату, перекатил в ладони, словно взвешивая собственную судьбу. Сел на край кровати и сжал гранату так, что пальцы побелели.

Я прекрасно понимал, что на «стрелке» разговаривать никто не станет. Аля, по сути, своим звонком прислал мне чёрную метку. Он знал, что я не для того спортзал держал и пацанов по дворам собирал, чтобы смотреть, как их завтра сажают на иглу.

Я посмотрел в зеркало на стене. Оттуда смотрел человек с тяжёлым взглядом. Лицо уставшее, морщины в уголках глаз.

– Ну что, Вован, – прошептал я. – Конец так конец. Но правильный.

Я сунул гранату в карман пальто.

Я вышел на улицу один. Пацанов братъ не стал. Карман пальто оттягивала граната. Над головой мигала вывеска ларька, буквы гасли и вспыхивали. Во дворе тусовались подвыпившие работяги, курили дешёвые сигареты, смеялись громко и пусто. Один из них на секунду поймал мой взгляд и сразу отвёл глаза.

На лавке в другом конце двора сидела молодёжь. Подростки шаркали ногами, матерились, делая вид, что «живут по-взрослому»... заведя меня, они притихли сразу же. Знали, что я против разговоров «по понятиям». Увы, в девяностые выбор был невелик – либо ты лох, либо бандит. Я это слишком хорошо понимал.

Двор был знаком до каждой трещины в асфальте.

Я вышел из двора на пустырь у недостроенной многоэтажки. Фонари вдоль дороги не горели, но чёрный «мерин» стоял с включёнными габаритами. Тонированные стёкла, мотор урчит ровно... вокруг ни души.

Меня ждали.

Я шёл медленно, руки в карманах пальто, пальцы касались гранаты. Меня заметили сразу.

Дверь приоткрылась, и наружу высунулся Аля, привстав из машины.

– Давай, Вован, садись. Ждём тебя, брат, – и чуть тише добавил. – Не ссы, я уже обо всем перетер, все будет тип-топ...

Я сел на заднее сиденье, рядом с Крещёным, захлопнул дверцу. В салоне сидели трое. Двое спереди и Аля рядом со мной.

Толстые, рожи ухоженные и наглые мигом обернулись и посмотрели так, будто они тут хозяева жизни. Я узнал эту парочку – авторитеты. Один из них и был Бармалей. Думают, что им всё позволено..., а остальные всё проглотят.

Но я им всё испорчу.

– Ну что, Вова. Пришёл всё-таки. Правильно сделал. По-людски побазарим, – прохрипел Бармалей прокуренным голосом, щуря свинячьи глазки.

Я молча кивнул. Это они позвали меня на стрелку, пусть базарят, а я послушаю до чего там они договорились с Алей у меня за спиной.

– Ну что, Вова, ты же умный парень, – продолжил второй авторитет. – Чего ломаться, не телка же? Будешь с нами, и всё будет тип-топ. Пацанам твоим хватит на хлеб, а тебе ещё и икоркой сверху помазать. Все будут довольны.

Бармалей усмехнулся шире, блеснул золотым зубом. Сладко стелил. Знаю я такой «подкат». Навалит кучу комплиментов, горизонты с золотыми горами очертит, а потом...

Потом скажет, что будет, если не согласиться.

– А если не добазаримся... – он почти хрюкнул, как самый настоящий хочу. – Не обесудь, завтра всё тут сгорит к буям. И твой подвал, и твои мешки, и пацаны твои сами к нам в очередь встанут.

Я слушал. В кармане пальто пальцы играли кольцом гранаты.

– Не дёргайся, – продолжил второй авторитет. – Сейчас все по одним правилам живут. Тут или ты сам по правилам двигаешься, или в землю ложишься. Третьего не дано. Да и, Вован, насильно дурь никто никому не запикивает, это если по морали рассуждать...

– Давай короче, конкретно, ты же пацанов своих дёрнул? У нас в багажнике дури на год на район хватит... – вещал Бармалей. – Тебе пять процентов с каждой партии, цену сам устравливай...

Я уже не слушал, потому что прекрасно понимал, к чему всё идёт. Либо я здесь и сейчас соглашусь прогнуться под них, либо не уйду с этого пустыря. Сквозь затемнённые окна я боковым зрением увидел, как к пустырю подъехал ещё один автомобиль. За его рулём и был мой палач...

В багажнике «мерса» лежала дурь. В машине сидели боссы... я прекрасно понимал, что если сейчас бахнет, то Москва встанет на уши. Так что я уже всё решил.

Я повернул голову к окну. За стеклом застыл двор, такой знакомый. Там, в полутьме, я увидел силуэт Машки на втором этаже, возле окна. На углу двора, в беседке, толпились мои пацаны. Они смотрели на «мерса», словно знали, что решается что-то большее, чем просто разборка.

Они должны запомнить, что за своих надо идти до конца.

– Аля, ты за? – я повернулся к Крещенному.

– Вован, от таких предложений не откалываются, – заверил он.

Падла ты Аля, конченная.

Я вернул взгляд на авторитетов и уже не видел в них людей. Передо мной сидели шакалы, жрущие мою страну, город, моих пацанов и их будущее.

Я чуть наклонился вперёд, стискивая в кармане гранату.

– Вы правила свои другим рассказывайте, – спокойно заверил я авторитетов. – Я свои выбираю сам.

Авторитеты переглянулись. Нахмурились.

– Слышь, ты как базаришь, шпага... Аля, ты же говорил, понятливый пацан...

– Я пацанов от дури тянул. А вы хотите, чтобы я сам их травил? – я вскинул бровь.

Аля побледнел..., а я вытащил гранату из кармана – зелёный корпус блеснул в полумраке салона.

Секунду никто не понял, что происходит. Потом я дёрнул чеку. Металл звякнул, и тишина в салоне стала вязкой.

Первый авторитет, что сидел на водительском сиденье, взвыл как свинья перед убоим:

– Ты чё, псих?!

Руки у этой свиньи задрожали, глаза забегали.

Второй, за рулём, медленно потянулся к пистолету в бардачке. Лицо его налилось кровью.

– Ты че брат?! – Аля было бросился на меня.

Но я коротко уgomонил его локтем по переносице.

– В Чечне я вас не добил... – процедил я. – Значит, здесь добыю.

Один из главарей дёрнулся, хотел выскочить наружу. Другой всё ещё тянулся к пистолету, а я выкинул руку вперёд и отпустил гранату.

– За своих – до конца, – были мои последние слова.

Мир вспыхнул белым.

Глава 2

Я очнулся, и первое, что увидел – свежевыкрашенные стены и шкаф с папками. Я сидел за столом, передо мной раскрыта папка, а напротив над столешницей склонилась женщина под тридцать с копной тёмных волос. Строгий костюм, зона декольте без выреза, но под кофточкой грудь хорошая – размера четвёртого точно. Рядом с барышней стоял мужик в спортивном костюме, крепкий и подтянутый, с перебинтованной ногой, на костылях. Ещё одно место за столом пустовало, кресло отодвинуто...

Охренел? Пожалуй, это было мягко сказано. Я не знал, где нахожусь и кто эта пышногрудая и поломанный. Куда делся Бармалей, Аля и ещё один жирный козёл?

Мозг судорожно попытался сделать первые выводы. У мужика сломана нога – значит, я в больничке? А девка выходит врач? Судя по банке «Нескафе» и мобиле с истёртыми кнопками, люди из обеспеченных. Наверное, баба заведующая, а мужик какой блатной?

Стоп... А я тут при чём? Я же на гранате подорвался!

Впрочем, первые же выводы разбились, как стекло, о слова пышногрудой красотки. – Времени совершенно нет, Владимир Петрович, – отрезала она, словно я уже что-то был должен. – Вы теперь ведёте ОБЖ и физкультуру.

Ни хрена как базарит. Баба с замашками начальницы, видно сразу. – Временно, конечно. Просим вас согласиться, иначе директор...

Она замялась, видимо подбирая сравнение, покосилась на чашку с кофе, от которого поднимался пар. – Вместо кофе нас растворит!

Я моргнул. – Что? – мой голос прозвучал чужим. Какого вообще хрена...

– Надо заместить нашего физрука, – кивнула пышногрудая бестия на мужика с костылями. – Он травмировался.

Тот фыркнул, будто оправдывался: – Вы же знаете этих детей. Избалованные... они меня довели. Я только отвернулся, а они... – он махнул рукой. – Короче, нога теперь вот, на полгода к костылям прикован!

Ни хрена се, как заворачивают...

Ясно же, что какая-то галимая постанова. До меня, кажется, начало доходить... я выжил, полечился в больничке, а оттуда меня уже в дурку определили. Ну а что, социально опасный элемент, сам себя гранатой подорвал.

Другого объяснения попросту не находилось.

Я перевёл взгляд на пышногрудую. Она смотрела на меня жёстко, будто приказывала. Но кончики губ приподнялись в улыбке – такой же фальшивой, как она сама. – Вы единственный мужчина учитель в школе. Ну не будет же ОБЖ вести женщина? – она театрально заломила руки.

Во моросит...

Я медленно обвёл взглядом кабинет. На стене висел календарь. Большие цифры, яркая реклама какого-то банка. Я скользнул глазами по цифре года... 2025 год. Я застыл, глядя на эту цифру. Какого хрена?

– Сейчас придёт директор, – продолжала «пятый размер», не заметив моего оцепенения. – И мы вашу кандидатуру быстренько согласуем.

На этом сюрпризы не закончились: взгляд упал на собственные руки, которые я всё это время держал на столе. Видимо листал листы в папке – там, кстати, был список фамилий учеников.

Так вот, взглянув на свои руки, я охренел окончательно. Вместо моих мозолистых трудовых пальцев я видел толстые пухлые пальцы-сардельки с нежной кожей... тоже такой приход?

В голове загудело, обрушился поток мыслей. Это что за засада, кто-то с воспалённым воображением «Назад в будущее» пересмотрел? И время унесло меня куда-то, где я никогда не должен был оказаться. И теперь я... кто? Учитель.

Однозначно – шапито!

Но не всегда надо сначала думать, а потом делать. Иначе мысли меня накроют с головой. Да и проверить – могу ли я отсюда свалить, тоже будет не лишним. – Ребят, нет, вы что-то попутали, – сказал я, резко вставая. – Это не моё. Я пошёл.

Стул скрипнул, когда я отодвинул его. Учитель, ОБЖ, физкультура... Я же чётко помнил, чем всё закончилось – вспышкой, жаром и тьмой. Да меня хоронить были должны в закрытом гробу, а не вот это вот все...

Я шагнул к двери. На ней висело мутное зеркало, зацарапанное, с трещиной по углу. Я бросил взгляд и... застыл.

На меня смотрел толстяк. Лицо круглое, рыхлое, добродушное, в увеличительных очках. Подбородок раздвоился, шея перетянута воротником рубашки и галстуком. Я машинально тронул себя за щёку, и в отражении толстые пальцы повторили движение.

– Да ну нахрен... – выдохнул я.

Смотрю – рожа чужая, жирная, очки, пузо. Хоть плачь, хоть смейся. Вот это клоуна мне подсунули... Да я в девяностые с таким рылом даже на «стрелку» не подошёл бы – засмеяли бы и закопали рядом.

Дверь в этот момент распахнулась. На пороге появился мужчина под полтинник, в строгом костюме, с папкой в руке. – Аля-улю, паси гусей! – сказал он, входя.

Я узнал голос. Он был... будто из другой жизни. Мужчина продолжил уже серьёзнее: – Если мы не выиграем олимпиаду хотя бы по одному предмету, школу прикроют. Финансирования больше не будет! – объявил он. – Вы представляете, что они удумали!

– Это же невозможно! – поддакнула сисястая, хотя ее никто и не спрашивал.

Я смотрел на вошедшего и не верил глазам. Черты лица повзрослели, осунулись, но я узнал этого человека сразу. Передо мной стоял пацанёнок, которого я помнил ещё с девяностых. Лёнька, сын моего друга Яши.

– Владимир Петрович, чего вы так на меня смотрите, вас это тоже касается! Или вы не проходите по программе «Земский учитель»? Сейчас нашу школу закроют, и вы будете вынуждены продать свой автомобиль, чтобы рассчитаться с государст...

Он не договорил. Потому что я взял его за щёку и потянул. Ну развод же? Грим же? – Да что вы делаете?! – заверещал «пацанёнок», пытаясь увернуться.

У поломанного глаза на лоб полезли, а пышногрудая аж руками всплеснула. Да хрен как-то я на них клал... тут бы понять, что вообще происходит.

И я понял. Понял, что никакой это не грим, под моими пальцами самая настоящая кожа...

– У тебя ресница на щёку упала, хотел убрать, – заверил я, отпуская щёку Лёни.

На миг я задумался, принимая решение. Уйти? Можно... но, пожалуй, правильным будет во всей этой каше разобраться. Так что, сперва-наперво, попытаюсь узнать вводные.

Я сел обратно на стул, чувствуя, как всё вокруг рушится и собирается заново. – Вот так, Владимир Петрович, – директор положил папку на стол. – Или мы держимся, или это конец...

Я всё ещё не мог оторвать взгляда от директора. Передо мной сидел уже взрослый мужчина в костюме, но в чертах лица всё равно проглядывал тот пацанёнок из девяностых. – София Михайловна, вы же обрисовали уже Владимиру Петровичу, нашему бесценному специалисту, общую картину? – обратился Лёня к пышногрудой.

– Да... – замялась она. – Владимир Петрович обещал попробовать хотя бы один урок. Да дети... особенные... никто этого не отрицает...

Я обратил внимание, что София тщательно подбирает слова, и усмехнулся про себя. Особенные... слово у неё какое-то скользкое. Не люблю, когда растекаются в ответах, как масло по сковородке. А это такая... Вообще зам, хоть и симпатичная, но какая-то вся мутная.

Директор уселся за пустовавшее кресло, сложил руки на столешнице и наклонился ко мне.

– Пожалуйста, Володя. Мы горим. Потом, может, кто-то откликнется на объявление, резюме пришлёт. Но сейчас... никто не идёт. Зарплата копеечная, дети неблагополучные. Вы сами понимаете... У нас этот класс экспериментальный...

– Да кто согласится, – встрял физрук на костылях, махнув рукой. – Они меня довели, ещё кого-то доведут. Мне-то лям, в отличие от нашего историка, никто не заплатит!

Я посмотрел на него так, что он осёкся и опустил взгляд. Вот тебе и ещё одна подробность всплыла. Я, оказывается, учитель истории, и за то, чтобы я тут молодёжь учил, мне кто-то бабки приплатил...

Капля за каплей в голове складывалась картинка. Я вернул взгляд на директора. В глазах Лёни было то самое упрямство, которое я помнил у его отца.

Ну что, расклад более-менее ясен. Я толстый историк, сразу после института пришёл в школу для каких-то проблемных подростков или в класс... не понимаю пока. Взял за это бабки, купил тачку... и уходить, не вернув бабки, не могу.

Конечно, я всё ещё мог подняться, послать всех и уйти. Но существовала проблема – я ни хрена не помню, и даже не знаю куда идти, да и где, в принципе, нахожусь. Понятно, что Россия, но какой город?

Так что я принял единственно правильное решение – надо потянуть время, осмотреться. Ну и окончательно всё расставить по полочкам в голове. А уже потом уже думать, что со всем этим делать.

Решено. Я глубоко вдохнул и посмотрел на директора. – Ну пойдём, – сказал я. – Покажешь своих сорванцов.

Завуч облегчённо улыбнулась. – Спасибо вам огромное, Владимир Петрович. Вы даже не представляете, какое это для нас спасение.

Мы вышли из кабинета директора. Дверь захлопнулась за спиной с глухим щелчком, и... пошло-поехало. Коридор гремел, как артиллерийская канонада. Ор, топот десятков ног... школьный хаос, всё ещё отдалённо знакомый, но и чужой одновременно.

Завуч уверенно зашагала к лестнице, каблуки стучали по линолеуму, бёдра виляют. – Владимир Петрович, – заискивающе затараторила она, – спасибо вам большое. Вы даже не представляете, какой груз сняли с наших плеч. Вы же знаете, у нас дети непростые в этом классе... неблагополучные, школа пошла на эксперимент, чтобы финансирование получить...

Я молчал, любовался её видом сзади. Фигурка прям песочные часы. Сказал бы мне кто, что я буду вот так на девок двухтысячных годов рождения засматриваться.

Ха!

Да она ж даже не родилась, когда я свою прошлую жизнь пожил...

Завуч обернулась, и я нехотя отвёл взгляд. Куда я смотрел, София заметила, но не придала значения. – Но ничего, я в вас верю, Владимир Петрович, – игриво подмигнула она. – Дети вас обожают. Вы ведь с ними контакт находите на своих уроках истории... ну находили, до того, как попали в больницу.

– А чего попал? – с ленцой спросил я.

Если хочешь услышать честный ответ на вопрос, надо задавать его тогда, когда собеседник не ожидает. Так и тут – моя собеседница явно не ожидала, что я спрошу. Всё-таки я должен знать по идее. – Ну... у вас прямо на уроке обморок случился, – растерянно ответила она. – Первый же урок был у них... Не для передачи, но какие же люди бывают неблагодарные! Вы

их свет несете, а они вам тьму! Нет бы спасибо сказать, а они... прости господи, что скажешь, вам электрошок подложили на стул!

Она театрально затрясла головой, осуждающе.

– Правильно делаете, что не держите это в голове, я бы на вашем месте тоже не держала. Так что извините, что напонила.

Я усмехнулся про себя. По ушам ездила завуч мастерски – «спасибо вам», «верю в вас», «дети любят»... А тут оказывается, что я прямо на уроке едва дубу не дал.

Издевались, видно, дети над моим предшественником, да так, что до больничной койки довели. Ну а с другой стороны – с таким-то весом неудивительно, что здоровье у меня барахлит. Я как римский легионер, который «всё своё ношу с собой». Правда из своего – только жир. И его у меня столько, что скидывать придётся килограммов сорок...

А в этом деле как? Если сам жопу надел, то это норма, на себя любимого внимания не обращаешь, а если кто рядом набрал лишнего...

– Ладно, – заверил я. – Пару уроков проведу. Осмотрюсь. А там посмотрим.

– Одну секундочку, Владимир Петрович, я только возьму классный журнал, – бросила София и растворилась в дверях с надписью «Учительская».

В этот момент передо мной выросли несколько мелких хулиганов из класса седьмого. Такие, что молоко на губах не подсохло до сих пор. – Вовка – морковка! – нараспев начали дразнить они.

Я сначала даже не понял, что это мне. В моём времени так к взрослому не обращались – могли и сапогом в зубы словить. В воспитательных целях исключительно.

А тут малявки на расслабоне. Ну ладно... сейчас быстро объясню, что взрослым хамить опасно для здоровья.

– Воло х...ло, – выпалил рыжий пацанёнок с взъерошенными волосами.

А вот это уже был перебор.

Я, как хищник, сцапавший жертву, схватил паршивца за ляжку рюкзака, подтянул к себе и наклонился ему к уху. – Ещё что-нибудь подобное скажешь, бандит, и я тебя прям за ноздрю подвешу во-о-он туда, – я показал на лампу на потолке с витиеватыми металлическими крючками. – Понял меня?

Я заметил, что другие малолетки мигом достали какие-то коробочки со стеклянными глазками или бог пойми с чем. Навели их на меня. Хулиган отрывисто затряс башкой, и я его отпустил.

– Сдрыгнули, мелюзга, – рявкнул я.

Молодёжь разбежалась, как тараканы, когда на кухне включили свет. А ко мне в тот же миг подошла София, вернувшаяся из учительской. Она прижимала к груди журнал. – Пойдёмте, Владимир Петрович! – улыбка Софии стала шире, но выглядело всё слишком уж натянуто.

– Пойдёмте, это мне что ли у этих охламонов физру вести? – я кивнул на забившихся в угол пацанят. – Если бы... – София закатила глаза. – Если бы у этих! Эти седьмой класс, а у вас 11 «Д»... второгодки неблагополучные, вот правда, что «д» в данном случае – дебилы! – Ясно.

Так это у меня уже не дети ни разу... если прикинуть, то им всем там 18 уже должно было исполниться. Ну поглядим.

София вдруг коснулась своей рукой моей руки. Так, как может только сделать женщина, которая испытывает интерес. Ни фига, Володя даёт, с таким обликом и таких баб цепляет. Красавчик, наша школа!

– Спасибо, – шепнула она. – Я помню ваше желание...

Та-а-ак, а вот с этого момента хотелось бы поподробнее. Но поподробнее не получилось – раздался звонок, и он оборвал щекотливые слова завуча.

Школьники расползлись по классам, а мы с завучем шли к спортзалу. Она снова что-то лепетала про «неблагополучных детей» и «как важно быть для них примером»..., но я прям чувствовал, что сказать она хочет совсем другие слова.

– Владимир Петрович, – наконец начала Михайловна. – Насчёт ужина... всё-таки сегодня не получится. Дела. – Какие ужины? – бросил я, озираясь на «евроремонт», сделанный в этой школе.

Вот говорят, денег нет. А окна пластиковые поставили, всё чистенько. Никакого тебе линолеума, рваного до цемента, или щелей в окнах, заклеенных полосками бумаги.

София смутилась на секунду, но быстро вернула на лицо дежурную улыбку. – Ну... вы же сами предлагали...

Я перевёл взгляд на завуча, вскинув бровь. Это не я предлагал. Вернее, если предлагал, то прежний «я», тот самый толстяк-историк, тело которого я теперь носил.

В этот момент в коридор прямо нам навстречу вышел молодой, плечистый мужичок в рубашке с закатанными рукавами. Он бросил взгляд на завуча, и она ему чуть заметно кивнула. – Сегодня вечером жду тебя у себя, – прошептала она, думая, что я не слышу.

Я всё слышал. И понял.

Мой прежний обладатель этого тела, скорее всего, влюбился в Софию и ходил за ней на цырлах, развесив уши и тая, как пломбир в отключённом холодильнике. А баба-то у нас не просто красивая, но и стерва!

– Володька, привет, ну ты как? – ко мне подошёл этот «Ален Делон» местного пошиба и протянул руку. – Хорошо выглядишь.

Он сунул мне свою руку, приветствуя, а я крепко сжал, заметив, как этот товарищ чуть вздрогнул от неожиданности. Вот есть такие люди, одного взгляда на которых достаточно, чтобы понять – урод! В смысле моральный. Этот индивид явно был из таких. Роба надменная, весь из себя какой-то сублинный. Взгляд намекает на превосходство над окружающими.

Кто таков? Учитель? Так вроде мне рассказывали, что я на всю школу один мужик, кроме поломанного... Хотя это скорее не мужик, а особь мужского пола.

Я вдруг поймал себя на мысли, что такое отношение к «Ален Делону» – реакция моего нового тела. Видно, Володька не переваривал этого мужика. Кстати, судя по пренебрежительному взгляду, «любовь» у нас взаимная. И неудивительно, раз завуч положила на него взгляд, а я на завуча...

– Ну ты держись, Володька, а то оплачиваемые больничные ты уже исчерпал.

Он попытался положить руку мне на плечо. Но я тотчас накрыл его ладонь своей. Сжал. – Руки при себе держим, – улыбнулся я.

– Мужчины, у нас уроки начались! – поняв, что «что-то» идёт не так, вмешалась София. – Вадим... Михайлович, у тебя урок труда в 7 «Б». А у нас с Владимиром Петровичем физкультура у 11 «Д»!

Вадим, как оказалось, звали «Алена Делона», убрал руку. Улыбка с его лица растворилась, и он, чуть толкнув меня плечом, пошёл на урок.

Я проводил его взглядом и повернулся к завучу, та растерянно улыбалась. – Ты же говорила, что кроме меня физкультуру и ОБЖ вести некому? – Так некому... Вадим Михайлович работает на четверть ставки, у него всего один урок в неделю... – начала оправдываться София. – Вадим же бизнесмен и в школе преподаёт, потому что сердце велит... и он очень любит детей.

Вон оно что. Сразу вопрос – а бизнесмену-то это на хрена? В депутаты хочет? Думаю, что в этом отношении за 30 лет мало что изменилось. Ну не верю я в «сердце велит», красивая обертка и только.

Мы с завучем наконец подошли к высоким дверям спортзала. За ними гремел гул – смех, крики, стук мячей о паркет. София толкнула дверь, и шум вырвался наружу, как пар из котла.

Внутри царил хаос. Подростки сидели на полу, кто-то играл в «догонялки», мяч ударялся о стену и отскакивал обратно. Пара пацанов залезла на шведскую стенку и болталась там, свесив ноги.

Среди всего этого балагана тщетно пыталась навести порядок молодая учительница. Высокая, стройная, глаза красивые, но полные тревоги. Она хлопала ладонями, стараясь перекричать шум.— Тише! Ну, пожалуйста! Сядьте по местам, ребята! Ребя-я-я-та!

Её никто не слушал.— Чего ты орёшь, Марина Сергеевна, всё равно физрук не придёт!

Я прищурился и тихо спросил у завуча:— А это кто у вас?— Их классный руководитель, — ответила София. — Работает первый год. Девочка хорошая, но... сами видите — бестолковая! Об нее ноги вытирают!

Марина повернула голову, увидела нас. На лице мелькнуло облегчение, будто спасение пришло. Она посмотрела на меня и благодарно кивнула.

Завуч подняла руку, пытаясь установить в спортзале тишину.— Минуточку внимания, дети! Минуточку внимания!

Глава 3

Насчёт детей... я бы, пожалуй, так не стал утверждать. В спортзале находились уже вполне себе сформированные тётки и дядьки. Не все, конечно, но в большинстве своём. Бородатые, фактурные пацаны и стройные, фигуристые девчонки с ногами от зубов. По крайней мере, именно такой контингент был на первых ролях, и что-то мне подсказывало, что эти ребята уже давно совершеннолетние. Второгодники так-то...

Ну или за 30 лет моего, скажем так, отсутствия люди начали взрослеть куда быстрее, что вряд ли

Шум немного стих. Подростки нехотя обернулись. – Чё надо? – спросил здоровый бородатый «ребёнок». – Исмаилов, я тебе почекаю, забыл, что ли, что у меня в кабинете повестка из военкомата лежит? – зашипела завуч. – А чё сразу военкоматом пугаете? – буркнул Исмаилов, но сразу стал вести себя чуточку скромнее.

– Так, дети! Внимание! Поскольку ваш физрук получил травму, уроки физкультуры и ОБЖ временно будет вести наш уважаемый историк Владимир Петрович, – объявила завуч.

В зале пронёсся смешок, в задних рядах шепнули: «Пончик!» – и смех прокатился по рядам. Хм, уже как минимум три погремухи ко мне прилипло. – Прошу любить и жаловать! – София не обратила внимание на недовольства.

Я стоял рядом и смотрел на класс. Оболтусы чистые. Волосы у пацанов под машинку, вместо школьной формы спортивные костюмы – по крайней мере, среди заводит. Девчонки в ярких кофточках, с телефонами в руках, грызут жвачку.

Любопытный контингент тут подобрали – я в их глазах просто толстый распутившийся «лохопед». Не более того. Ну... так-то всегда встречают по одежке. Будем разбираться.

Мой взгляд остановился на молодой учительнице, классном руководителе. Она стояла сбоку, пальцы нервно теребили край тетради. По лицу читалось волнение: глаза бегают, губы поджаты. Красавица девчонка... глаза большие, волосы блестят, понятно, почему завуч её при-нижает. Тут естественная красота, безо всякой косметики, чувствует Соня конкурентку. Но держится Марина и правда неуверенно.

Я спросил, чуть повернув голову к классухе: – А вы что ведёте, любезная? Марина вздрогнула, на секунду опустила глаза, будто стеснялась. – Я... русский язык и литературу. – Ясно, – бросил я и снова посмотрел на класс.

Завуч протянула мне пухлый классный журнал с таким видом, словно передавала не бумаги, а бомбу с часовым механизмом. – Разбирайтесь, Владимир Петрович, – сказала она с натянутой улыбкой. – Я думаю, у вас получится... не с первого, так со второго раза.

Я взял журнал, почувствовал под пальцами его тяжесть. Листы были исписаны мелким корявым почерком: оценки, замечания, подписи. Мельком его пролистав, закрыл.

Завуч поспешила к двери. – Я вас оставляю. У меня совещание, – бросила она торопливо и выскочила в коридор, будто сама боялась этих учеников.

Дверь хлопнула, и мы остались вдвоём – я и молодая классная руководительница.

Марина поправила волосы, посмотрела на меня виновато. – Ой... у меня тоже урок. Русский язык. Мне нужно идти... – Идите, – я пожал плечами. – Я сам справлюсь. – Правда? – в её голосе прозвучала надежда. – Правда, – подтвердил я.

Она улыбнулась, неловко, но искренне. – Спасибо вам большое, Владимир Петрович. Вы даже не представляете, как выручаете.

Она помялась, переступила с ноги на ногу.

– Дети не забудьте выучить стихи к следующему уроку, – неуверенно проблеяла она, как овечка перед стадом волков.

– Хочешь я щас расскажу? – руку вытянул какой-то шкет формата метр с кепкой. И не дожидаясь разрешения зачитал с выражением и расстановкой. – Е... баб на свежем сене, с приветом к вам – Сергей Есенин.

Слово загремел хохот.

Классуха почти галопом выбежала в коридор, оставив меня одного перед десятками глаз, что теперь смотрели прямо на меня. – Ну чё, Пончик, – тот самый бородатый, которого завуч припугнула военкоматом, поставил ногу на баскетбольный мяч и как-то нехорошо улыбнулся. – Добро пожаловать. – Пончик! – снова раздался смех всего класса.

Исмаилов, видимо взявший на себя роль вожака, сделал несколько шагов назад. Я сразу смекнул, что он хочет. «Ребёнок» разогнался и лупанул по мячу с пыра. Метил, естественно, в меня.

Будь я в прежнем теле, и я бросил бы этого Исмаилова вместо мяча в баскетбольное кольцо. Но мне нынешнему пришлось изрядно напрячься, чтобы успеть вскинуть руки до того, как тяжёлый баскетбольный мяч влетел мне в лицо.

Клац!

Хлопок мяча по ладоням растёкся по залу. Я взял мяч и ловко, как умел ещё в прошлой жизни, закрутил его на указательном пальце. Надо было видеть лицо Исмаилова – брови его поползли вверх по лбу.

– Встали. Смирно, – распорядился я так, как говорил во взводе во время первой Чеченской.

Шум оборвался. Коробочки с яркими экранами опустились. Те, что сидели, машинально вскочили.

Я видел в глазах «детей» замешательство. Они сами не понимали, почему подчинились. В их картине мира «Пончик» должен был лежать на полу с расквашенным носом. – Ровнее, – рявкнул я.

Впервые за урок никто не смеялся. – Во-первых, не Пончик, а Владимир Петрович! Во-вторых, кто тут основной? – я обвёл тяжёлым взглядом исподлобья класс. – С кем могу перетереть по ситуации?

Я понимал, что подростки в таком возрасте крайне своевольные. И жизнь видят категорично, деля на белые и чёрные цвета. С этой точки зрения, как в девяностых – либо ты лох, либо бандит. Третьего не дано по определению. Вот и сейчас – либо я жёстко и сразу ставлю класс на место, либо сядут мне на шею. Конечно, осложняется тем, что мой предшественник всё запустил и позволил молодёжи к себе так обращаться. Но думаю, не всё потеряно.

Сейчас надо вычленил среди этого разношёрстного коллектива лидера и... занять его место. Остальные сами смекнут, что лучше головы не поднимать – в стае новый вожак.

Исмаилов вышел вперёд, высоко задрал подбородок. На его лице застыла ухмылка. Он покосился на одноклассниц и подмигнул, явно работая на публику. – Ну я, допустим, Пончик. А чё такое? – протянул он, делая вид, что он в классе самый главный.

Я крутанул баскетбольный мяч и сделал вид, что собираюсь бросить его Исмаилову. Он дёрнулся, руки подставил и уже собрался ловить.

Но я лишь усмехнулся. – Расслабься, молодой, – бросил я.

И вместо броска в Исмаилова отправил мяч в кольцо. Чётким, точным движением, как будто всю жизнь только это и делал.

Мяч прошёл по дуге и упал в сетку, даже не задев щит и обод кольца. Чисто.

Зал тотчас стих. Я обвёл взглядом пацанов и девчонок. Морды их от удивления вытянулись, рты приоткрылись. Похоже, от «Пончика» такого никто не ожидал. Ну, не зря играл в баскетбол с пацанами по прошлой жизни.

– Пойдём, – я кивком позвал Исмаилова. – Перетрем с глазу на глаз.

Он попытался улыбнуться, но по глазам я видел, что Исмаилов изумлён. Я огляделся, заметил коморку физрука, и мы зашли внутрь. Ремонт внутри не делали давно. В углу стоял шкафчик с инвентарём. Мячи, гантели по пару килограммов, скакалки... На стене висел детский рисунок «Здоровый образ жизни» с кривым солнцем.

Я подошёл к столу, сел за стол, заодно бросив туда классный журнал. На столешнице лежала гора бумаг вперемешку с журналами и чей-то недопитый пакет сока.

Сев, я кивком пригласил Исмаилова разместиться на табуретке. Постучал пальцами по столешнице и смерил «дите» взглядом. Он расположился напротив, скрестил руки на груди, но взгляд отвёл. – Как тебя зовут, Алладин? – спросил я. – Барозмон, – буркнул он. – Ну вот и хорошо, Борзый, значит, будешь. Слухай сюда внимательно, Борзый, – я подался вперёд. – Ща мы с тобой по-базарим по-людски. – Давай... – он явно хотел ляпнуть на «ты», но быстро поменял тон. – Давайте попробуем.

Я заметил, как он положил на стол свою «коробочку». Похожее я видел почти у каждого ученика. – Давать жена будет, Борзый. А я вопросы буду задавать, а ты отвечай. Это чё за пейджер такой? – я ткнул в «коробочку» пальцем. – Это... смартфон, – ответил он. – Труба, что ли? Телефон? – Ну... типа того, только умный.

Я промолчал и не подал вида, что удивился... «Умный» телефон? Прикольно, раньше-то какие мобильники были – кирпич в полкило, антенна торчит, зарядки хватает на десять минут. Прогресс, что называется, семимильными шагами. – Слышь, Борзый, а умный почему? – спросил я. – Не знаю, – честно признался пацан.

Я не стал задавать уточняющих вопросов. Интересно, правда, сколько ещё таких сюрпризов будет впереди?

Я откинулся на скрипучем стуле, переплёл пальцы на животе и перевёл взгляд на Борзого. – Ну что, Алладин, – начал я. – Какой сейчас год? Он моргнул, будто не понял вопроса. – Два тысячи двадцать пятый, – сказал ученик неуверенно.

Я чуть подался вперёд. – Где школа стоит? – Краснознаменск... – в его глазах мелькнуло недоумение. – Вы меня стебёте, Пончик... то есть Владимир Петрович. Можно я такие вопросы пропущу?

Стебал как раз он – меня. По крайней мере, активно пытался это делать. – Можно Машку за ляжку, – отрезал я. – Еще раз Пончиком назовешь и...

Я огляделся, выбирая вид наказания.

– Че, два в журнал поставите? – хмыкнул Исмаилов, ерничая.

– Ну не только, – мой взгляд остановился на металлическом штыре, на котором были нанизаны блины для штанги, и я кивнул на него. – Вот этой приبلудой тебе в башке дырку проковыряю. Или в одно ухо засуну, а в другое высуну.

Исмаилов аж в кулак кашлянул. Я же развил эффект.

– Короче у тебя вариантов всего два: ответить быстро и ответить ещё быстрее. Я после больницы не отошёл, клинит меня, как контуженного. Сначала делаю, потом думаю. Прикинь нежданчик? Так что не испытывай, Борзый.

У пацана аж кадык дёрнулся. Исмаилов сглотнул, будто у него ком поперёк горла встал. – Ладно... спрашивайте....

Я подумал, прежде чем спросить. – Кто у нас президент? Страна за кем? – Путин, – ответил тот без заминки, как на автомате выдал. – Не фуффло тулишь? – я вскинул бровь. – А Борис где? – Э... какой? – удивился пацан.

– Николаевич который.

– Хрен его знает... Владимир Владимирович уже двадцать пять лет страной правит.

Теперь уже я чуть не закашлялся... Боря, походу, всё, отпрезидентствовал. Хотя, что тут удивительного? Я хорошо помнил, как Ельцин был не промах заложить за воротник. Ну

и возраст тоже, да и здоровье хлам. Мы еще в 90-х ждали, когда Борис коней двинет, да так и не дождались.

– Вы меня что, по истории проверить решили? – Борзый усмехнулся. – Ага, по истории родного края, – вздохнул я. – Только знания у тебя хреновые, Борзый. Не знаешь ничего. – Владимир Петрович, – хмыкнул он. – Я если чё и загуглить могу, что не знаю. На фиг мне запоминать!

– Чё? – переспросил я. – Кого ты там собрался...

Я запнулся, не запомнив слово, которое слышал впервые. – Ну мобильник достаньте и загуглите, чё по кайфу, – Исмаилов коротко повёл плечами. – Вон у вас мобила из кармана рубашки торчит, ага.

Я похлопал по карману и действительно нашёл телефон. Почти такой же, как был у Исмаилова. Достал, положил на стол, пытаюсь понять, как это чудо техники включается. Ни кнопок, ничего..., но в этот же момент экран на моей трубе вдруг вспыхнул. Я едва со стула не подскочил. – Это чё за каранавал? – буркнул я. – Да обычный телефон. Введите код, – спокойно сказал Борзый, явно не понимая, почему я так реагирую. – Знал бы я ещё, какой тут код... – проворчал я. – Ну тогда по Face ID. Я тоже свой код постоянно забываю! – Ты по-русски можешь сказать, чё надо?! – раздражённо буркнул я. – Камеру к лицу поднесите, Владимир Петрович, – объяснил ученик. – Вас, походу, в больничке хорошо прокапали, да?

Я не ответил, взял мобильник, покрутил и увидел то, что, видимо, было камерой, поднёс к лицу, как сказал Борзый.

Ничего не произошло. – И чё, молодой? – я покосился на своего ученика, который, похоже, с трудом сдерживал смех.

Примерно так же выглядел пенсионер в моё время, когда видел мобильники. Пенсионером мне было рано становиться, поэтому придётся приспособливаться. – Владимир Петрович, – наконец прыснул смехом Борзый, но осёкся под моим взглядом. – Вы это... другой стороной поверните! – Так тут камеры нет! – Фронтальная там, – пояснил ученик.

Я повернул трубу и действительно разглядел наверху экрана точку, видимо объектив. Поднёс лицо, и экран мигнул, а передо мной открылись какие-то разноцветные значки. – И чё дальше? – Теперь скажите: «Слушай, Алиса».

Я снова строго посмотрел на Исмаилова. – Ты чё гонишь? Я ещё с телефоном базарить буду? А потом скажете, что физруку надо жёлтую карточку вручить?

Но судя по физиономии Исмаилова, не похоже, что мой ученик шутил. Он на полном серьёзе предлагал мне начать разговаривать с телефоном. – Так, а как... ну хотите, через браузер поищите, я ж хочу как проще...

Я задумался, пытаюсь смекнуть – прикалывается Борзый или нет? Честно? По-первых, чувствую себя слепым котёнком. Будущее тут, конечно, не такое, как у фантастов было описано, но привыкать есть к чему. Поэтому допускаю, что с телефоном здесь тоже можно разговаривать.

А если нет? Что ж... окажусь в моменте простофилей, а потом Исмаилов поймёт, что да такие шутки в зубах бывают промежутки. – Слушай, Алиса, – процедил я сквозь зубы.

Я уже приготовился спускать с Борзого три шкуры, как «коробочка» вдруг ожила приятным женским голосом. – Привет, это Алиса, – разнеслось по каморке. – Чем я могу помочь?

Я с трудом удержался, чтобы не подскочить, стул подо мной заскрипел. – Твою мать... – прошептал я.

Это что, восстание машин?! Внешне я всё же постарался сохранить спокойствие. Хотя, положи руку на сердце, сам едва удержался, чтобы не разнести эту хреновину об стену. – Чем могу помочь? – вежливо продолжил тот же женский голос.

– Алиса, кто у нас президент? – пришёл на подмогу Борзый. – Наш президент – Владимир Владимирович Путин, – уверенно ответила коробочка.

Я зыркнул на пацана. – Как эту муть выключить? – Зря вы считаете, что я муть, как я могу к вам обращаться... – Хватит, скажите, – пожал плечами Борзый, перебивая «Алису».

Коробочка наконец замолчала. Я поскреб макушку. Впечатления? Раньше подобное я видел только в кино. Я положил эту «смартфонку» обратно на стол. Прогресс всё-таки надо потреблять умеренными темпами, а то чокнусь. – Ладно, потом пообщаюсь с кибер-бабой, – выдохнул я. – Оно ж это... никуда не передаётся?

Борзый только пожал плечами, с любопытством буравя меня взглядом. Думает, наверное, что физрук с ума сошёл. Представляю, что у него сейчас в голове. Пацан как-то нервно сглотнул. Да... походу мир сильно изменился. И придётся привыкать, если я хочу выжить.

Я снова посмотрел на ученика. – Слушай сюда, Борзый. Теперь ты лично передо мной в ответе. Если сработаемся – я тебе по физре пять поставлю. Интересно? Он пожал плечами, стараясь скрыть нервозность. – Да не особо. – Ну а зря. Слышал, тебя в армию забирают? – Да, – буркнул он. – Хочешь в армейку? – Не особо, Владимир Петрович...

Я усмехнулся уголком губ: – Армия, Борзый, делает из пацана мужика. В ВДВ пойдёшь, чё нет-то? Там с первого дня поймёшь, кто чего стоит. – Не хочу я в ВДВ, Владимир Петрович, – он упрямо тряхнул головой, но в голосе послышалась неуверенность. – А раз не хочешь, я тебе пять по истории и чё там ещё у нас... – ОБЖ? – Ага, по нему тоже пять поставлю в году. Поступишь в бурсу и получишь отсрочку, а там сам решишь, куда жизнь свернёт.

Я замолчал, наблюдая за его реакцией. – А чё делать надо, Владимир Петрович? – заинтересовался Исмаилов. – Вот это уже правильный вопрос, братец.

В этот момент его телефон, эта чёртова коробочка, дёрнулся на столе и засветился. Я напрягся, всё ещё помня голос Алисы. Вот хрен его знает, может, подслушивает? – Чё она дёргается? – спросил я. – Смска пришла, наверное... А чё делать надо, Владимир Петрович? – Будешь мне с классом помогать, – я отвёл взгляд от мобильного. – Слышь, а почему ваш класс неблагополучным зовут? – Ну... нас собрали из тупых и раздолбаев, – он будто сам не верил, что говорит это вслух. – Типа семьи неблагополучные... – А знаешь, чем тупые и раздолбаи заканчивают? – Батя говорит, дворником буду. Батя тоже дворником был... Потом сел, а как крайний раз откинулся – не работает ни хрена.

– Базар фильтруй, – буркнул я.

Внутри кольнуло знакомое – слишком много таких судеб я видел ещё в девяностые. Передо мной сидел пацан, который сам ещё не понял, что на развилке стоит. И походу таких красавцев в один класс упаковали. Понятно теперь чего класс экспериментальный. И почему Соня их дебилами зовёт. – Значит так, Борзый. Дворником будешь только в одном случае – если сам себе яму выкопаешь. А если мозги включишь – ещё человеком станешь. Я таких пацанов за уши вытаскивал и раньше. Смекаешь?

Он не ответил. Только кивнул коротко, будто боялся, что скажет лишнее. Но что-то здесь явно было не то, я прям чувствовал, но объяснить не мог. Есть у меня нюх на такое вот – когда в уши одно льют, а на деле все наоборот.

Последний раз это чувство с Алей сработало. Черт ты Аля, а не крещенный... ну да ладно. О мертвых либо хорошо, либо никак.

Коробочка на столе снова завибрировала...

А вот следующие слова Борзого заставили меня удивиться и оторваться от размышлений о вечном. – Владимир Петрович, вы что, боевиков пересмотрели?

Глава 4

– Боевики, Борзый, это с Ван Даммом и Сигалом, знаешь таких? – строго спросил я. – Знаю, ага... Стивену Сигалу Владимир Владимирович гражданство дал! – Серьёзно? – я нахмурился.

Надо будет на досуге загуглить или как там правильно. На кой-чёрт Сигалу российское гражданство? – Угу... – А насчёт насмотрелся – я насмотрелся, как пацаны умирали. И прохавал, что если не держаться друг за друга – не выживешь. Ну или дворником пойдёшь.

Исмаилов смотрел на меня с какой-то странной улыбочкой. Его мобила продолжала то и дело вздрагивать экраном вниз. – А где насмотрелись, Владимир Петрович? В очереди в столовку? – Не понял? – я вскинул бровь. – Да так, Владимир Петрович... Сильно вы изменились. Вы ж сами рассказывали, что с утра до вечера зубрили и друзей у вас нет, а ещё на улице никогда не шлялись.

Понятно. У ученика, похоже, случился диссонанс. А насчёт изменился... ну да, изменился. Раньше слово держал, теперь ещё и пузо держать придётся в довесок. Но от фартука определённо надо избавляться, а то ощущение такое, будто я в ростовой кукле хожу. – Ладно, значит так, – я посмотрел на Борзого исподлобья. – Проблемы мне не создаём. Строишь класс – пусть в баскет порежутся, чтобы пар выпустили и до звонка отвлеклись. Могу на тебя положиться? Борзый поёрзал на месте, но кивнул, соглашаясь. – Хорошо, Владимир Петрович.

Я протянул ему ладонь. Он замялся, будто решал, жать или нет, но всё же протянул свою. Ладонь у пацана была влажная, тряслась чуть-чуть. Но силушки богатырской в нём было хоть отбавляй. Я сжал его руку крепко, чтобы Борзый понял, что мы заключаем договор. – И ещё... мне сказали, что у меня тачка есть. Это правда? Борзый моргнул, но уже не так сильно удивился вопросу. Понял, что я толком ни черта не помню. – Так да, Владимир Петрович, возле школы стоит. Вы ж на ней сегодня приехали... – Где именно стоит? – уточнил я. – На парковке, у самого входа.

В моё время оставь тачку у школы на полчаса – час, и вернувшись обнаружишь её на кирпичках, если пацаны глаз положат. Как тут обстоят дела по этой части, только предстояло выяснить. – Ладно, Борзый. Веди молодёжь на паркет. А я пойду тачку проведу.

Исмаилов кивнул, но взгляд у него был какой-то... странный. Такой, будто он хотел что-то добавить, но язык прикусил. Забрал мобилу и пулей выскочил из кабинета. – погоди, – в последний момент тормознул его я.

Покосился на журнал, кивком указал Борзому на него. – Слышь, Исмаилов, не в службу, а в дружбу – отметь, кто пришёл, кого нет, и оценки поставь. – Прямо от руки писать? – уточнил ученик, и в его глазах блеснул огонёк. – Сделаем, Владимир Петрович. – Давай, – я небрежно отмахнулся от Борзого.

Подошёл к окну, которое как раз выходило на парадный вход. Тачки не увидел... машина ведь для мужика как конь. Вот и посмотрим, какого коня себе выбрал мой предшественник.

Из-за двери слышался хохот. Что смешного? Хрен его знает. Оно и в моё время молодёжь такая была – палец, блин, покажешь, а их пробивает на хи-хи.

Я похлопал по карманам, нашёл ключ от автомобиля и вышел из коморки. Смешки тотчас прекратились. Борзый, как и обещал, делил класс на команды для игры в баскетбол.

Через пару минут я уже стоял у выхода из школы и... тут же взгляд прилип к тачке. Сияла новенькая иномарка – чёрная, как ночь, с дисками, блестящими так, будто только что из салона.

У меня даже внутри ёкнуло. Что ж, хоть тело мне досталось и неказистое, и пузо торчит, зато машина – атас!

Я обошёл красавицу по кругу. Краска отражала серое небо, будто зеркало. Кузов обтекаемый, фары хитрые, даже «прищуренные», словно глаза у зверя. Вот это да...

Покружив вокруг ласточки, я достал ключи, всё это время брякавшие в кармане брюк. Ключи, кстати... старые какие-то, кнопки мелкие, будто от дешёвой сигналки. Как будто от другой тачки. Но...

Я нажал на кнопку. – Пик-пик! – фары моргнули.

Ну слава богу, а то я уже сомневаться начал. То, что сигналка есть – это здорово, не придётся костыль ставить против угона.

Я потянул руку к ручке... и застыл. Ручки-то нет. Ни скважины замочной, ни собственно ручки – просто глухая дверь. – Интересно... – пробурчал я.

«Звёздные войны», что ли? Только я не Люк Скайуокер, а это не «Тысячелетний сокол».

Я обошёл машину кругом, покрутился, уже подумывал ногтем ковырнуть. А как? Где-то хоть щель должна быть?

Размышления прервались. Раз! И из двери сама собой выехала ручка.

Я аж отпрянул от неожиданности. Потянулся к выехавшей ручке, но и на этом сюрпризы не закончились. – Володька, ты чё там потерял? – за спиной раздался голос.

Я одёрнулся, обернулся – увидел на крыльце школы трудовика, сбежавшего по ступенькам. – Машина нравится? – кивнул он на блестящую иномарку. – Хочешь, дам поводить?

Я хмыкнул, сделал вид, что всё под контролем, хотя внутри всё кипело. – Да мне по барабану, – бросил я. – Железо оно и есть железо. Не машина красит мужика, а мужик машину. – Ну-ну, – ухмыльнулся трудовик и легко открыл дверь.

Он сел за руль, завёл мотор, ласково зашептавший под капотом. Стекло медленно поползло вниз. – Володь, прости, но поводить не получится, у тебя жопа на спортивное сиденье не влезет!

Вадим дал по газам и с пробуксовкой сорвался с места. Колёса заверещали, оставив чёрные полосы на асфальте.

Я посмотрел ему вслед, сжал кулаки. Ничего, смеётся тот, кто смеётся последним. Боковым зрением я увидел в окне второго этажа сразу двух училок, судя по возрасту. Обе облокатились о подоконник и жадно смотрели вслед машине Вадима. А увидев меня, тут же задёрнули шторы.

Я ухмыльнулся про себя. Всё ясно.

А где моя тачка, кстати?

Я обернулся и увидел свою машину, которой попросту не было видно за тачкой трудовика. Ёпрст, вот это аппарат!

На парковочном месте стояла маленькая, облезлая... машинка. Инвалидка, что ли, в современной интерпретации? Я посмотрел на этот чудо-аппарат. М-да, если у Вадима действительно была ласточка, то у меня скорее был воробушек, ещё и с приставкой «недо».

«Дэу Матиз» – красноречиво говорило название моего «космического корабля». – Вот это, значит, моё... – пробормотал я.

Я подошёл к этому чуду машиностроения. Краска на тачке местами облупилась, арки хорошо так подгнили. В глаза бросалась вмятина на двери. Никакой тонировки и близко нет – мой предшественник не парился и ездил, как в аквариуме.

Я заглянул внутрь через стекло. Салон был предсказуемо тесный, на сиденьях натянут серый тряпичный чехол, протёртый до дыр. Боюсь представить, что будет под ним?

Зато на панели торчала магнитола с разноцветными кнопками... правда, державшаяся на изолянте. Возле рычага передач валялась пустая пачка сигарет. Хм... выходит, прежний Володька курил?

Сразу возник вопрос – неужели вот «на это» я потратил свой лям, выплаченный государством за работу учителем в такой дыре? Или, может, от родственников в наследство досталось?

Ну не купит себе мужик в трезвом уме и при памяти такую «малышку», особенно когда сам далеко не малыш, а детина весом далеко за сотню килограммов.

Я уже собирался плюнуть на этот несчастный «Матиз» и вернуться в зал. Но в этот момент карман брюк завибрировал. Я вытащил мобильник и уставился на гладкую чёрную коробочку с горящим экраном. На экране высветилось: «мымра».

Так-так, и кого это я так обозвал?

Экран дрожал, мигал, а внизу виднелись два кружка – зелёный с галочкой и красный с крестиком. Методом научного тыка я ткнул пальцем в зелёный кружок и машинально приложил трубу к уху. – Алё-малё, – обозначил я своё присутствие на линии. – Владимир Петрович? – прорезался властный женский голос.

Ясно теперь – «мымра» у нас, оказывается, завуч. Её голос я сразу узнал. – Вы где там ходите? – в голосе дребезжала тревога, но поверх неё слышался тот самый начальственный тон. – Немедленно ко мне в кабинет. Слышите? Немедленно!

Интересно, только ведь на «ты» общались. С чего бы вдруг началось «выканье»? – Да слышу я, слышу, не трещи, Соня, – хмыкнул я. – Немедленно!!!

Телефон мигнул и снова замолк. Я сунул его в карман и вздохнул. Я ещё раз посмотрел на «Матиз», покачал головой и направился к школе.

У входа меня встречала стеклянная будка с деревянной рамой. На столе вахтёра лежал журнал посещений и стоял искусственный фикус. А ещё за столом сидел мужик в сером вязаном жилете, разгадывающий сканворд. Одной рукой он держал ручку, которой вписывал ответы, второй держал эмалированную кружку с чаем.

Мужик-вахтёр забавно шевелил усами, стоявшими щеткой и жёлтыми от табака. Чуть поодаль на подставке у него стоял телевизор, на экране застыли девять квадратов – картинок с камер.

Я подошёл ближе, постучал костяшками. – Отец, сориентируй, где тут кабинет мымры? – спросил я, когда вахтёр поднял голову, и тут же поправился: – В смысле завуча Софы.

Лицо вахтёра расплылось в улыбке. – Во-о-овчик, ходь сюды, – он открыл дверцу, приглашая меня зайти внутрь. – Где пропадаешь, герой? Опять «в больничке» валялся?

«Вовчик», значит. Походе, мы знаем друг друга. В памяти шевельнулось, но ничего не всплыло. – Да так... – ухмыльнулся я. – Живу помаленьку. Дела бедовые, бабки дармовые.

Он мельком кинул взгляд на камеру, смотревшую из угла коридора на нас в упор. Наклонился, понизил голос до шёпота: – Ты чё, не заходишь? Когда планируешь зайти? – Зайти... куда? – уточнил я.

Вахтёр хмыкнул, с важным видом подвинул свой сканворд. – Э-эх ты... – он крутнул ус. – После уроков заходи, как договаривались. Где обычно.

Мне не особо хотелось ломать комедию, зная, что завуч ждёт меня в кабинете. – Обычно это где? – спросил я в лоб. – В чулане, ёпта, – зло шепнул вахтёр, покосившись на камеру.

«В чулане». Смутная картинка мигнула в памяти, показывая – старая лампочка, связка старых ключей на гвозде. Значит, «общие дела» у нас были. Какие именно, пока не скажу, но допустим. – Лады, – сказал я. – Забегу. А Софы кабинет где? А то я запомнил.

Вахтёр ткнул ручкой с погрызенным колпачком, которой разгадывал сканворд, на лестницу. – Второй этаж, направо до упора, по коридору – и в самый конец. И... – он ещё раз глянул на монитор, сдвинул в мою сторону толстую, как ремень, бровь. – Ты там... осторожнее. Она ядовитая нынче, чего-то ей там из родкомитета понаписали. Чат у них, понимаешь, «вонизированный». Один писк оттуда – и Мымра любого в клочья разорвёт, как Тузик грелку. – Чат? – переспросил я. – Ну это их... стая такая в телефоне. Язык без костей, короче, – вахтёр отмахнулся и внимательно на меня посмотрел.

Морщины на его лбу сложились гармошкой. – Похудел бы ты, Вовчик. А то дышишь, как паровоз. – Работаю над этим, – заверил я.

Из динамика под потолком зазвенел звонок. И через несколько секунд поток учеников хлынул по коридорам. – Володя, после уроков не забудь... – Обязательно, – кивнул я. – Спасибо, отец.

Я вышел, закрывая за собой стеклянную створку. На секунду бросил взгляд на экран с картинкой с камеры из спортзала. Там мои «дети» расходились после физры.

Я двинулся к лестнице, лавируя среди потока оболтусов. Поднялся на второй этаж, не без интереса рассматривая плакаты на стенах: «Личная безопасность в сети», «Буллинг – стоп!», «ЗОЖ – наш выбор».

Ни черта непонятно, но очень интересно. В моё время на каждый из плакатов пририсовали бы пару-тройку непотребств и обязательно что-то вроде «Вася – лох» или «Здесь были...».

Коридор вывел меня в конец крыла, где висела табличка:

«Заместитель директора по воспитательной работе Мымряева София Михайловна».

Вот и понятно, откуда «мымра». С табличкой не поспоришь.

Не стучась, я толкнул дверь и вошёл внутрь. – Вот вы где! – завопила София, едва я вырос на пороге.

Она выглядела так, словно минуту назад её сунули в барабан стиральной машинки и включили отжим. Волосы торчком, пряди прилипли к вискам, лицо белое, глаза округлились. В руках она держала телефон в красном чехле. – Что вы себе позволяете?! – почти закричала она, и голос завуча предательски сорвался. – Родители уже штурмуют чат!

Я прикрыл дверь ногой, глянул на неё. – Соф, ты чё колотишь? Нормально же общались.

Прошёл вглубь кабинета, мимо шкафа с папками, и, не спрашивая разрешения, налил себе воды из чайника в пластиковый стаканчик. – Вообще-то кипячёную воду пить вредно!

Завуч с упрёком во взгляде выхватила стакан и подставила его к какому-то белому агрегату в углу. – Это чё за штука? – лениво спросил я. – Кулер! – отрезала она.

Я посмотрел, как из пластиковой трубки тонкой струёй течёт вода. Стакан наполнялся. Вот же придумали приблуду..., а насчёт вредно или не вредно кипячёная вода – поспорить можно. Раньше такую только и пили. Ну или прямо из-под крана.

Я взял стакан, осторожно отпил. Вода оказалась мягкая, прохладная, с каким-то вкусом свежести, будто её через фильтр пропустили. – Спасибо, – сказал я, усаживаясь на диван. – Так чё за кипиш? Кто куда, кого?

Я перекинул ногу на ногу, развалился на диване. – Давай, Софа, выкладывай. Ты ж меня сюда звала. Ну, так звезда светись.

Её глаза чуть дёрнулись, как у кошки, которую погладили против шерсти. Телефон в руке Софы мигнул новым сообщением, и она крепче сжала его, будто собиралась швырнуть в меня. – Владимир Петрович, я не знаю, где вы нахватались этой... блатной романтики! – вдруг взвизгнула завуч.

Подскочила ко мне, так что каблук лязгнули по полу, и сунула экран телефона прямо в лицо. – Послушайте! Нет, вы только послушайте!

Я услышал собственный голос: – Можно Машку за ляжку..., а у меня вариантов всего два: ответить быстро и ответить ещё быстрее. Я после больницы не отошёл, клинит меня, как контуженного. Сначала делаю, потом думаю. Так что не испытывай, Борзый.

Я сразу припомнил, как Борзый положил свою «коробочку» на край стола, экраном вниз. Значит, не просто так. Гадёныш специально запись включил! Стукачок мелкий... руку мне жал, а сам... сливает. – И чё? – я вскинул бровь, глядя на Софию. – По сути, с Аладдином побазарили.

– «По-базарили», значит! – София вспыхнула, щёки её пошли пятнами. – Вы понимаете, что это – разжигание межнациональной розни?! И ещё обзываетесь! Юношу Исмаилова называли «Аладдином» и «Борзым»!

Я хмыкнул. – Да ладно вам, какая розня. Я же ему ласково погремуху дал. С любовью, считай.

София побледнела ещё сильнее. – «Ласково»?! – выкрикнула она, но тут же запнулась, явно пытаясь вспомнить. – Его зовут... Бо... Бу... – Вот! – я усмыкнулся. – И я про то же. Ты сама имени его не помнишь. А я, между прочим, с памятью теперь не дружу, после больницы всё клинит. Вот и выкрутился, чтобы не запутаться.

Я сделал глоток воды, медленно, нарочно показывая, что паниковать не собираюсь.

София трясла телефоном, а я всё так же сидел на диване, перекинув ногу на ногу и улыбаясь краешком губ. – А что вы на это скажете?! – завуч повысила голос.

Телефон с красным чехлом трясся так, будто пистолет, направленный прямо мне в лоб. – Кто-то уже даже титры налепил! Вот, читайте: «Новый физрук – тиран. Помогите!» Видите?! Это уже разошлось по всем чатам! Родители требуют объяснений!

Я только коротко плечами пожал. София заметила мою невозмутимость и перешла в атаку. На экране появилось видео. Там я, прямо посреди коридора, держу мелкого шкету за шкирку. На записи мальчишка болтается, какдохлый котёнок. – Вот как вы это объясните, Владимир Петрович?! – завуч повысила голос ещё сильнее. – Вы применили физическую силу к ребёнку! – Ничего. Подрастёт – спасибо скажет. Это методы воспитания такие. – Какого ещё воспитания?! – София аж задыхалась. – Вы понимаете, что это нарушение прав ребёнка?!

Я опёрся локтем на колено, наклонился вперёд, стакан отставил на стол. – Макаренко слышала? – спросил я. – Великий педагог, всё такое. Так вот он говорил: ребёнка ударить можно, но унижить нельзя. Ты в педюшнике училась, или лекции не посещала?

У Софии на лице проступила смесь ужаса и недоверия одновременно. А я, хоть и оставался спокоен внешне, внутри ощущал только одно – недоумение. В моё время такие жалобы в голову бы никому не пришло писать. – А если по-серьёзке, Соф, – я ткнул пальцем в экран её телефона. – Хреновая эта затея – родительский чат. Ты в кучу и родителей, и учеников свалила, вот они и сидят, сопли жуют.

Я по-настоящему удивился. В моём сознании не укладывалось, как можно существовать подростку, если каждая его выходка тут же летит мамке в телефон. – Как молодёжь в принципе в таких условиях живёт? – продолжил я. – И что из них потом вырастет?

Завуч стиснула губы, а я поднялся с дивана и направился к выходу из кабинета. Херня это всё на постном масле... по их лекалам я работать не могу, а растить из молодёжи туфяков – не буду!

Глава 5

Я шёл по длинному коридору, когда навстречу мне вышел худой парнишка с охапкой цветов, шлёпая шлёпанцами по линолеуму. – Можно спросить? – остановил он меня. Весь запыханный, на лбу пот от беготни. – Спрашивать не надо, можешь поинтересоваться, – ответил я, не сбавляя шага. – Чё надо, молодой? – Доставка роз, в кабинет сорок два. Подскажите, где его искать?

Я всё-таки остановился, смерил пацана взглядом. На нём была футболка с надписью «Долина роз». Неплохо придумали – теперь, выходит, цветы можно с доставкой заказывать. – А хрен его знает, – сказал я честно. – Вы здесь не работаете? – Первый день, – пожал я плечами. – Ладно, буду искать, – пробормотал он и пошёл дальше по коридору, шаркая подошвами.

Я двинулся дальше к директорскому кабинету. Уже тянулся к ручке двери... и в этот момент она резко распахнулась, и я столкнулся нос к носу с секретаршей. Она выскочила, едва не сбив меня с ног. Стройная, как кукла с витрины игрушечного магазина. Волосы уложены, фигура отпад..., а вот лицо... Казалось, будто лицо её покусали пчёлы, оставив следы. И по такому случаю эта вполне себе миловидная девчонка надела медицинскую маску. Наверное, чтобы народ не пугать своей «красотой». – К директору нельзя, – резко заявила она, поправляя свою короткую юбку и чуть прищулив глаза. – Ему из горло только что позвонили.

Я остановился и, смерив её глазами, игриво подмигнул. – А если очень осторожно? – сказал я нарочито доверительным тоном. – Мне ведь надо уволиться. Сориентируй, как это правильно сделать.

Она замялась, словно не ожидала такого наглого напора или того, что я собираюсь уволиться. Я покосился на доставщика, который тщетно искал сорок второй кабинет. – Эй, брат! – позвал я, махнув рукой. Парень остановился, глянул на меня с подозрением. – Одну розу дай, будь так любезен, – попросил я. – Чего? У меня же посчитано, – сказал он и крепче прижал охапку.

Я сунул ему купюру в ладонь и подмигнул. – Скажешь, что не доложили. Он покачал головой, но всё же вытащил одну розу и протянул мне. Я взял её и, не раздумывая, вручил секретарше. – Держи, настроение тебе подниму.

Она растерялась, щеки запылали, взгляд метнулся в сторону, будто она не знала, куда спрятаться. Поклонников у неё, наверное, хватало без меня, а когда это «пчелиное» воспаление спадёт – так вообще будет Клаудия Шифер. Но бабы они ведь как устроены – окажи знак внимания, и она расплывается, как масло на сковородке. Секретарша заморгала, рассматривая розу. – Ну... проходите. Можете взять лист бумаги и написать заявление.

Мы зашли в небольшой закуток, где она сидела за компьютером. Я присел на край стула у её стола, взял из рук белый лист бумаги. Положил на гладкую поверхность, постучал ручкой по полю. – А чё писать-то? – спросил я, глядя на неё.

Девчонка чуть вздёрнула подбородок, стараясь сохранить деловой вид, хотя румянец ещё не ушёл с щёк. – Ну... заявление, в произвольной форме, – она достала из папки образец, протянула мне. – Вот так, например.

Я взял бумажку, пробежал глазами: «Прошу уволить меня по собственному желанию». Я усмехнулся. – Не, фигня какая-то. Никогда ни у кого ничего не просил.

Я отодвинул образец в сторону. Секретарша моргнула, будто не сразу поняла, что я сказал, и не без интереса продолжила наблюдать, как я склонился над листом и начал писать по-своему. Ручка царапала бумагу, буквы ложились неровно – всё-таки в новом теле я писал первый раз. Закончив, протянул лист секретарше. – Вот, держи.

Девчонка взяла моё заявление и, только взглянула, брови её уже поползли вверх. Потом она прочитала вслух, будто не веря глазам: – Обозначаю, что с сегодняшнего числа работать не

буду, не потому что запаadlo, а потому что так ситуация завертелась... – секретарша замолчала, глянула на меня поверх листа. – Владимир Петрович, мне кажется, такое заявление директор не примет.

Я вскинул бровь. – С хрена ли баня та упала? А куда он денется? Я ему сам занесу.

Девчонка лишь поправила маску, не стала возражать. – Кстати, – я поднял палец, остановившись у самой двери в кабинет директора. – Меня тоже, как-то, пчёлы покусали. Знаешь, что помогло? Народное средство. Намазал... чесноком. Жжёт падла, зато отёк сразу сходит.

Девчонка аж вспыхнула, залилась краской и быстро опустила глаза в бумагу. Че она, интересно, так реагирует? Помочь же хочу!

Я толкнул дверь кабинета и вошёл, не удосужившись постучать. Старые привычки трудно выбить – если уж решил зайти, значит зайду. Директор поднял голову, но не сказал ни слова. Он прижал трубку телефона к уху и, подняв ладонь, показал жестом: «Минутку».

Я кивнул и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло напротив. На столе рядом стояла вазочка с конфетами, такими же, какие я видел ещё в советские времена. Я протянул руку, взял одну, развернул шуршащую обёртку и закинул конфету в рот.

Уже когда начал жевать, понял, что это привычка моего предшественника – тянуть в рот всё, что попадая. Блин... я огляделся, нашёл салфетку и сплюнул конфету в неё. Итак разожрался так, что в дверь теперь приходится боком заходить. Да и конфета, честно говоря, так себе. Вроде всё то же – знакомые полоски на фантике, а внутри...

Я сунул салфетку с конфетой в карман и краем уха прислушался к разговору. Директор говорил в трубку каким-то слишком вежливым, почти заискивающим голосом. – Дайте нам ещё немного времени... пожалуйста, – Леня вытирал лоб платком, взгляд метался по столу, словно искал, за что зацепиться. – Нельзя школу закрывать, вы же понима...

Он не договорил, вздрогнул – видимо собеседник бросил трубку. Леня медленно положил трубку на рычаг, поежился. Лицо директора побледнело, щеки покрылись пятнами, а губы сжались в тонкую линию. Он вытащил из кармана платок, вытер вспотевший лоб, провёл им по щекам. Вид у Лени был такой, словно его только что поставили на счётчик – и срок оплаты вот-вот истечёт. – Из горно звонили, Владимир Петрович, – наконец сказал он. – Как хорошо, что вы согласились заменить нашего физрука.

Я думал, он сразу начнёт говорить про инцидент с родительским чатом. Но нет, видимо Мымра – завуч ещё не успела доложить. Я не стал тянуть резину, встал с кресла и положил перед ним своё послание... ну или маляву. Заявлением язык не поворачивался назвать – заявы я никогда не писал и писать не собираюсь. – Короче, Леня, учительство – это не моё, – сказал я спокойно. – Найди другого физрука и кого там ещё... историка.

Директор вздрогнул так, будто я ткнул его электрошоком. Очки на переносице съехали вниз, и он судорожно подтянул их обратно. – Как... не ваше? – голос у него сорвался. – Володя, у нас школу хотят закрыть! Вы понимаете, что это значит? Если финансирование урежут – дети разойдутся по подворотням. Тут никто в другой район ездить не будет, где они новую школу собрались строить!

– А что стряслось? – уточнил я.

Директор закашлялся, взял со стола папку, но тут же отложил – видно, хотел что-то начать объяснять, но передумал. – Ситуация следующая, – он тяжело вздохнул. – Наше здание хотят признать аварийным и снести. На ремонт денег никто не выделит. В соседнем районе уже достраивают новую школу – на большее количество мест. Формально всё правильно, удобно и красиво на бумаге.

– А на деле? – На деле... вы же понимаете, Владимир Петрович: кто из наших учеников будет каждый день мотаться туда и обратно? Это час дороги автобусом туда и час обратно. Тем более из этих... из 11 «Д», они ведь неблагополучные...

Он откинулся на спинку кресла, руки бессильно упали на подлокотники. Говорил он быстро, захлёбываясь словами, как человек, который слишком долго держал это в себе. – У нас и так успеваемость не блещит, – продолжал Леня. – А если отправить их в эту школу, то всё – конец. Учёбы не будет вообще.

Я молча кивнул, давая ему выговориться. – И самое главное, – продолжил директор. – Уже есть фирма, которая ждёт этого сноса. Они землю под себя метят. Хотят построить здесь что-то своё. А там и связи, и... прости господа, взятки...

Леня замолчал, смотрел на меня глазами загнанного человека. В его взгляде я видел отчаяние человека, прижатого к стенке. Я невольно ухмыльнулся про себя. Ну да, красиво всё расписали: аварийное здание, новая школа на большее количество мест. По букве закона – чисто, грамотно, даже не подкопаешься. А по сути? Всё та же песня, что и в девяностые – отжать, поделить, поставить перед фактом. Только раньше в лес вывозили, подписи там ставили, а теперь вот бумажками и комиссиями подпирают. Разница, впрочем, небольшая.

В глазах Лени вдруг мелькнул огонёк – слабый, но упрямый. – Знаете, Владимир Петрович... В девяностые один человек показал мне, что даже если все отвернулись, сдаваться нельзя.

Я чуть подался вперёд, насторожился. – Я тогда пацаном был, – продолжил он. – Видел, как на наш район попытались зайти нехорошие люди. Все боялись, все молчали... Но один человек дал им отпор. И я запомнил: если уж стоять, то до конца. Я тоже не хочу сдаваться.

До меня дошло, о ком Леня говорил. Прошлое догнало меня прямо в этом тесном кабинете. Директор вспоминал меня. Того самого «человека» из девяностых, которого, по идее, уже давно нет. Я уставился на Леню. Чёрт возьми... Приятно. Приятно, что не зря тогда умер и держал удар, когда все остальные отступали. Мелкий пацан всё это увидел, вынес для себя урок и теперь, спустя столько лет, сидит передо мной, директор школы, и повторяет те же слова.

– Вы же понимаете, Владимир Петрович, что не только детям достанется! Наш уважаемый педагогический коллектив окажется выброшен на улицу...

Я наклонился к столу ближе. – Слушай, а может стрелку организовать? Звякни им, скажи, что надо перетереть. Они ж явно по беспределу идут. Я впрягусь.

Директор моргнул, будто не понимая, к чему я клоню, и выпучил глаза. – Вот ты говоришь, что пример тебе мужик показал. Так он бы такую шушеру в багажник сложил, вывез в лесок – и вместо того, чтобы школу рушить, они бы себе могилы копали. – Владимир Петрович... – Ну а чё, кто район держит? С кем побазарить можно?

Директор оторопело пожал плечами. – Ну... гороно, – растерянно выдавил он. – Молдаванин что ли? Ни хрена оборзели! А кто такой – авторитет? Вор?

В голове у меня уже щёлкали старые механизмы: кто кому кум, кто держит обшак, у кого слово что-то весит. Я знал, как разговаривать в таких ситуациях, давить и вытаскивать разговор на нужный результат. Для меня это было почти привычным делом. – Гороно, Владимир Петрович, это управление образованием... – выдавил Леня явно растерянно. – Ни хрена, они уже и туда залезли!

Директор замахал руками, аж закашлялся от неожиданности. Он закашлялся, хватанул стакан воды, пролил половину на бумаги и вскочил, пытаясь стереть влагу. – Вам смешно, Владимир Петрович, а у нас беда! – выпалил он.

Леня буквально растёкся по креслу и вздохнул так, будто из него выпустили весь воздух. – Эх... – сказал он устало. – Не знаю откуда вы все это нахватались... но, к сожалению, времена изменились. Если раньше во главе угла стояла справедливость, то теперь вместо справедливости – закон. А закон, он, конечно, вроде и хорош. Только ему нет дела до человеческих проблем. По букве закона – тут не подкопаешься.

Я хмыкнул. Вот оно, новое время: справедливость списали со счетов, вместо неё выкачали бумажку с печатью. Закон, который должен защищать, на деле стал оправданием для того,

чтобы закрыть глаза на людей и их проблемы.– Альберт Николаевич Прыщев – уважаемый человек, заметная фигура в городе, с которым лучше не спорить, – пояснил директор.

Я попытался припомнить такого, но память ничего не подсказала.– И что тут без вариантов, если по закону?– Есть единственный шанс, – заверил Лёня, выдержав паузу. – Если наш класс выиграет олимпиаду, то школу оставят и дадут финансирование. Но... Владимир Петрович, вы, наверное, правы – олимпиаду нам не выиграть. И вряд ли стоит откладывать неизбежное. Я подпишу ваше заявление.

Директор пододвинул к себе моё заявление, взял ручку и уже собрался расписаться. Я смотрел на него и думал. Смерть в девяностые была ради пацанов. Ради тех, кто бегал по дворам и верил, что свой район – это крепость. Тогда я не отступил. А теперь что? Взять и отмахнуться? Сказать: «не моё» и уйти?

Да и плевать мне на этот их закон. Что за закон, если он против людей? Сами же его придумывают так... Как говорится, законы пишутся так, чтобы их можно было нарушать. И сверху подчас начинают путать справедливость с удобством. А вообще... закон будет работать только тогда, когда все равны. А пока кто-то ровнее – придётся подравнивать. Как кустики на газоне.

Я перевёл взгляд на заявление. Учителем работать, конечно, запахло: зарплаты копеечные, авторитета никакого. Но дело не в этом. Помочь людям надо. Дети – это те же мои пацаны с района. И если я сейчас отступлю – это будет не просто поражение, а предательство самого себя. А бабло можно зарабатывать и не в школе. Вон трудовик гоняет на иномарке – явно не на учительскую зарплату купил.

Ручка директора уже коснулась бумаги, и я резко поднял ладонь.– погоди, Лёня, – сказал я твёрдо. – Не спеши подписывать.

Директор замер, ручка застыла в воздухе. Глаза его метнулись на меня с недоумением. Я наклонился вперёд, упёр локти в стол.– Мы своих не бросаем. Я останусь.

Директор не верил ушам.– Что?.. – выдохнул Лёня.– Ты слышал. Я останусь и выиграю олимпиаду.

На лице Лени смешались шок и надежда.– Вы... уверены, Владимир Петрович?– Уверен. И давай уже на ты, а то меня от твоего «выканья» уши режет.

Пауза затянулась, потом Лёня выдохнул, словно сбросил мешок с плеч.– Спасибо, – прошептал он тихо.

Я вышел из кабинета, притворив за собой тяжёлую дверь. Остановился у окна, глядя на двор. Олимпиада? Ну и пусть. Если кто-то хочет поставить крест на этой школе, то придётся показать, что кресты мы ставим только на могилах тех, кто сюда сунется без спроса.

Я сжал кулаки и уже сделал шаг вперёд, когда услышал:– Владимир Петрович!

Оборачиваюсь. Ко мне бежал щуплый мальчишка, лет десяти, рюкзак больше его самого, глаза горят. Он остановился, переводя дыхание, но улыбка так и не сходила с лица.– Я так рад, что вы вернулись, – выдохнул он. – Я... я обожаю историю.

Я посмотрел на него внимательно. В этих словах была искренняя радость, что рядом есть тот, кто может научить, защитить, повести за собой. Я кивнул.– Здорово, шкет, – я взъерошил пацану волосы. – Как она?

Внутри стало спокойно. Ну что, пацаны. Война за школу началась... Мальчишка в ответ расплылся в улыбке, а я пошёл дальше по коридору. Всё. Решение принято. Окончательно и бесповоротно. За своих я пойду до конца. Другого пути у меня никогда не было и не будет.

Глава 6

Я шагнул по коридору, пустому после перемены, когда заметил знакомую фигуру. Сразу вспомнились строки из песни – она прошла, как каравелла по зелёным волнам...

Завуч.

Соня отстукивала каблуками по линолеуму, гордо вздёрнув подбородок. Шла прямо на меня, сверля взглядом так, как будто я ей задолжал пару миллионов и ещё проценты сверху. Шла она напрямиком к директорскому кабинету.

Ну и думала, что я, как красная тряпка, ретируюсь при виде разъярённого быка.

Но нет, не угадала.

Старые привычки взяли верх. Я выставил руку поперёк коридора, преграждая завучу проход.

– Стоять, – бросил я. – Надо побазарить с глазу на глаз.

Соня впиалась в меня холодным взглядом.

– Вы что себе позволяете, Владимир Петрович?

Я улыбнулся и чуть наклонил голову набок, как гопник из подворотни, который только что «присмотрел жертву».

– Соня, – продолжил я. – Я человек простой и с бабами не воюю.

– Что вы такое говорите, Владимир Петрович...

– То, моя хорошая, что я в курсе, как ты меня попыталась кинуть, и на первый раз закрою на это глаза, – пояснил я. – Но я тут олимпиаду собрался с парнями и девчатами выигрывать. Так что твоя помощь мне лишней не будет. Мир, дружба, жвачка?

Завуч вскинула брови так, что даже маска холодности на секунду дала трещину.

– Мир, дружба... Да вы про что?

– Соня, дурочку не включай, тебе не идёт, – я широко улыбнулся.

Повисла напряжённая пауза. Я сверлил завуча взглядом, отрезая любые возможные пути для отступления.

– Ну вы и хам трамвайный, Владимир Петрович, – она всплеснула руками. – И как вы, простите, собрались выигрывать олимпиаду? Что, учеников бить будете, чтобы они уроки учили?

Показалось? Или в глазах Сони блеснула искринка, указывающая на то, что её заводит наш разговор.

– По-разному можно, – хмыкнул я, всё ещё не убирая руки. – Главное в нашем деле – результат.

– Уберите руку, – процедила Соня сквозь зубы, фыркнула и попыталась пройти.

Я подождал секунду, нарочно медленно отнял ладонь от стены.

– Ты бы над моим предложением подумала, а то оно истекает завтра.

– Ещё чего! – завуч снова задрала подбородок и зацокала каблуками дальше по коридору.

Я посмотрел ей вслед, как она уходит, покачивая бёдрами, с таким видом, будто на голове у неё корона из килограмма золота.

У самой двери в кабинет она бросила через плечо, даже не оборачиваясь:

– Лучше бы вы, Владимир Петрович, расписание запомнили. Сегодня, между прочим, класс остался без истории и ОБЖ.

Дверь в приёмную хлопнула, и я остался в коридоре один.

– Ну ладно, Соня... значит, война продолжается.

С бабами воевать – сомнительное удовольствие, но если их не пресекать, то кровушки они посворачивают...

Плавали – знаем.

Я коротко пожал плечами и, сунув руки в карманы, присвистывая, пошёл дальше. Уже думая о том, что расписание и правда бы не помешало посмотреть. Я ведь даже не в курсе, когда, какой и в каком классе у меня урок. Учитель, блин...

А что до Сони, понятно, что у нас ещё будет разговор. Не сегодня, так завтра.

Учительская встретила меня гулом женских голосов.

– Знаете, девочки, а я вот через совместные закупки духи на распив беру! – как Ленин с трибуны вещала полноватая тётка, встав посреди учительской.

Очки в роговой оправе, дулька на голове и орлиный нос – из тех, что бросает тени в солнечный день.

Несколько учительниц сидели за столами, делая вид, что слушают. На деле же они ковылялись в тетрадах и телефонах.

Но стоило мне переступить порог, и в учительской будто выключатель щёлкнули. Разговоры сразу стихли. Несколько женских взглядов уставились на меня колюче. И почти сразу две «дамы» – математичка в строгой кофте и физичка с фиолетовым платком в горошек на плечах. Кто они – было написано на бейджах, приколотых к груди.

Понятно всё. Я обернулся, провожая их взглядом. Завуч уже постаралась навести тень на плетень. Так сказать, посеяла недоверие и теперь ждёт, пока оно пустит корни.

– Ты там про духи вещала, продолжай, – подмигнул я совершенно опешившей химичке. – Извини, перебил.

Она бочком-бочком, вдоль стены, тоже выскочила из учительской. Как ветром сдуло.

Я не стал никого останавливать. Подошёл прямо к стенду, где висело расписание. Глаза быстро скользили по таблицам. И сразу возник резонный вопрос – а как меня теперь звать-то? То, что я Владимир Петрович – понятно, а какая у меня фамилия в этом теле?

Я нахмурился, пытаюсь припомнить. Вот только вспомнить не получалось. Тогда в голову пришла мысль: логично, что тот, кто ведёт историю, тот я! Я нашёл нужную строчку: «История – Гордеев В.П.»

– Ага... значит, Гордеев, – прочитал я вслух. – Владимир Петрович Гордеев. Ясно-понятно.

Конечно, фамилия была для меня чужой, и к ней следовало привыкнуть. Зато вместе с тем это и маска, за которой удобно спрятаться.

В этот момент дверь в учительскую с грохотом распахнулась, словно её толкнули плечом. Так и было, судя по тому, что на пороге возник мужик лет шестидесяти, держа в обеих руках охапки цветов. Причём явно сорванных прямо с клумбы у школы. Земля ещё осыпалась с корней. Сам мужик был рыхлый, с красным носом, и от него тянуло перегаром.

– Дамы!... – начал он торжественно, выпрямившись, как на линейке. – Хочу всем пожелать...

Он запнулся, шаря глазами по пустым столам. Женщин в учительской уже не было, все по сигналу Сони свалили. Мужик растерянно мигнул и перевёл взгляд на меня.

– Владимир Петрович! – воскликнул он радостно, будто встретил родного брата. – А где же все наши представительницы прекрасного пола?

Я пожал плечами.

– Сдрыгнули, – бросил я, всё ещё рассматривая стенд с расписанием.

Мужик крикнул, понуро посмотрел на несчастные цветы в руках и сунул их в ближайšie мусорное ведро.

– Эх, хотел нашим девочкам радостных мгновений подарить, – выдохнул он.

Я скользнул взглядом по бейджику на его груди. «Друздь Иван Григорьевич. Учитель географии».

– Слышь, Глобус, у тебя распечатки расписания не завалялось? – переключил его я.

– Чего-чего? – Иван Григорьевич прищурился, морщинки возле глаз поползли веером.

– Ну, распечатки, – повторил я. – А то один хрен все уроки в голове не удержишь, а переписывать не по кайфу.

– А-а, в смысле расписанье вам распечатать?

Глобус оживился.

– Ну валяй, распечатай, – кивнул я.

– Сделаем, Владимир Петрович! – засуетился Иван Григорьевич. – Сейчас, погодите, щёлкну на принтере, и всё будет.

Я наблюдал, как он неуклюже жмёт на клавиши клавиатуры, потом закладывает бумагу в принтер. Пошумело, потрещало, и вот Глобус уже держал в руках лист с таблицей расписания.

Он с довольной рожей протянул его мне.

– Держи, Владимир Петрович!

Я взял лист и, пробежав глазами, невольно присвистнул про себя. Удобно, блин, и ничего переписывать не надо от руки в тетрадь... Живут же люди.

У нас, конечно, принтеры были, но хрен их ещё найдёшь.

Я вчитался внимательней. Нагрузка была следующая: по два урока истории в неделю у каждого класса, один ОБЖ, плюс по два раза физра. В сумме – каждый день по пять-семь уроков.

– Конкретно так в оборот берут, да, Глобус? – хмыкнул я.

– Ой, не говорите! Я еле отбрехался от завуча, чтобы на две ставки весь год не пахать, – он даже перекрестился.

– Ну ладно, раз ввязался, значит, придётся приспособливаться, – я сложил лист вчетверо.

И уже хотел сунуть его в карман, как Глобус подошёл ко мне чуть ближе и заговорщицки шепнул:

– Петрович... может, сообразим по пятьдесят граммов? Для настроения, так сказать.

Я глянул на его красный нос и едва заметный блеск в глазах.

– Не, брат, – отрезал я. – Я на машине, за рулём. Так что ни капли в рот.

Глобус только пожал плечами и тут же достал бутылку из своего дипломата. Литровая пластиковая, с мутной жижей внутри. Географ налил себе сам и дрожащей рукой осушил рюмку.

– Уф-ф, хорошо пошла!

Я всё-таки сунул расписание в карман и направился к выходу. Но когда уже взялся за ручку двери, то вспомнил, что обещал вахтёру зайти после уроков в чулан. Была одна небольшая проблема с этим связана – я не знал, где находится этот самый чулан.

Потому я не стал открывать дверь, убрал руку с ручки и снова обернулся к географу.

– Слышь, а где тут чулан? – спросил я.

Иван Григорьевич, в этот момент занятый тем, что плеснул себе ещё самогона в рюмку, аж подпрыгнул. Рюмка брякнула о стол, он икнул и выпучил глаза.

– Тсс... – прошипел он, быстро озираясь. – А если услышит Софа?..

Я вскинул бровь. Ясно, значит, тема какая-то мутная, раз о чулане нельзя говорить при всех. Ну я примерно что-то подобное и предполагал.

– Ей сейчас не до этого, – заверил я. – Так что не переживай. Нас никто не услышит.

Глобус сглотнул, вытер столешницу, на которую пролился самогон, рукавом пиджака.

– Ладно, я-то забуду... я ж пьяница. А ты-то чего, молодой же ещё, а память не ахти?

– А я, Глобус, после больнички, с памятью беда. Всё забываю, всё путаю. Так что считай, два инвалида встретились, – объяснил я свою легенду.

– Во-о-от! А я говорю, что нас не лекарствами пичкают, а отравой! А сосиски вон я вчера хотел купить – 200 рублей стоит за 5 сосисок, а как состав почитал, так волосы на затылке зашевелились. Представляете, Владимир Петрович, мяса ни грамма, только механическая обвалка из шкуры, клювов и когтей...

– Чулан где? – я мягко перебил старика, который забыл, что я ему вопрос задал. Географ какое-то время смотрел на меня мутным взглядом, потом махнул рукой.

– Ясно где... выходишь из учительской, налево, до спортзала. Там сбоку техническое помещение. Вот и твой чулан.

– Благодарю, – кивнул я.

– А женщины-то наши где? – географ наконец спохватился, что мы в учительской одни.

– С утра же очередь до компьютера занимали...

Я не стал отвечать, вышел из учительской и направился искать чулан. Спустился на первый этаж и первым делом заглянул в спортзал. Конечно, учеников там уже не было. Урок давно закончился, потому всё, что осталось, – лежащий на полу баскетбольный мяч. Надеюсь, что ребята поиграли в баскетбол..., а ещё я надеялся, что в самое ближайшее время встречу с Борзым. Не лишним было пояснить ему, что не по-пацански так делать, как сделал он. Руку пожал – слово держи. В моё время за такое люди пропадали, а тут слово дал, слово забрал. В общем, нехорошо как-то получается. Сразу отношения не заладились.

Я прошёл вдоль коридора, ведущего в спортзал. Сразу нашёл то самое «техническое помещение». В него вела металлическая дверь с облупившейся краской. Опознавательной таблички никакой не было, только следы ржавчины.

Я дёрнул ручку на себя.

Закрывается.

Встречи, видимо, не будет...

– Ну ладно...

Я уже развернулся уходить, когда дверь за спиной со скрипом приоткрылась.

– Чи-чи...

Я замер, обернулся и увидел, как из темноты выглянула рожа вахтёра.

– Заходи, Володька, – прошептал он.

Дверь снова скрипнула и приоткрылась ещё шире. Я оглянулся и шагнул внутрь.

Внутри было обычное техническое помещение: по углам стояли ведра и швабры. Но сразу в глаза бросилась плотная серая шторка в углу.

– Бабки принёс? – заговорщицки спросил вахтёр.

– Ты про что? – уточнил я, продолжая оглядываться.

Вместо ответа вахтёр отдёрнул шторку, и у меня аж брови полезли вверх. За ней оказался целый склад. Коробки, баночки, какие-то пакеты с маркировкой на китайском. Пахло из-за шторки дешёвым одеколоном, табаком, спиртом и чем-то приторным, как лапша из бич-пакета.

– Ни хрена у тебя тут Черкизон, – сказал я.

– Ну, – самодовольно хмыкнул вахтёр. – Жить-то как-то надо. У меня зарплаты на вахте хватает только за квартиру заплатить!

Говоря, он порылся в коробке и вытащил круглую баночку с иероглифами. Протянул мне.

– Вот, брателло. То, что ты заказывал. Мазь.

Я взял, покрутил в руках. На крышке – красная звезда и дракон, всё написано по-китайски. Ни одного слова на русском языке.

– И чё это за «звёздочка» такая?

– Мазь от ожирения, – пояснил вахтёр. – Втираешь в пузо – и жир как тает.

Я сдержал смех. Вот красавчик предшественник. Вместо того, чтоб в спортзале попотеть, он жрал булки и мазью пузо натирал. А этот вахтёр на этом бизнес мутит.

– И сколько стоит это чудо?

– Три тыщи, – сказал он буднично.

Я фыркнул и сунул баночку ему обратно.

– Не... брателло, я что-то передумал.

Вахтёр нахмурился, брать банку не спешил.

– Бери, говорю, пока даю.

– В смысле ты передумал, Вов?! – вахтёр округлил глаза и аж шагнул ко мне, прижимая баночку к груди.

Я смотрел на его изумлённый взгляд... знакомая, кстати, схема радовала. В девяностых такие жулики воду «заговаривали» или амулеты толкали. Что тут скажешь – лох не мамонт, не вымрет. Любят наши люди верить в чудеса. Приоритет вдруг – волшебник в голубом вертолёте и всё такое.

– В прямом, – ответил я, глядя в хитрые глаза вахтёра. – Себе на жопу помажь. А я посмотрю на эффект. Может, и возьму.

Вахтёр скривился, но спорить не стал. Только снова спрятал банку за шторку, а сам остался стоять, будто не всё ещё выложил.

– Ладно, дело хозяйское, Володь, не хочешь – не бери... – он замялся чуть и добавил: – Я не за этим тебя звал, разговор серьёзный есть.

– Выкладывай, – согласился я. – Только максимально концентрированно. Я спешу.

Вахтёр заговорил ещё тише, так, что пришлось прислушиваться.

– Слушай, Володь, у меня с прежним физруком была договорённость... Я у него ключи от спортзала брал. Ну, три раза в неделю по вечерам.

– Так.

– Я ему пять штук в месяц за это отстёгивал... – неуверенно продолжил вахтёр.

Правда, неуверенность его явно была деланной. Таких охломонов я по своей жизни перевидал не счесть и потому знал, как с ними разговаривать.

– Слышь, я не баба, чтобы ты меня прелюдиями обхаживал, говори, что хочешь, – отрезал я. – И на хрена тебе зал?

– Да мы с мужиками в футбол гоняем, – замялся вахтёр, отводя глаза.

Я прекрасно видел по его роже, что вахтёр врёт, как дышит. Ни в какой футбол в зале никто не играл, а если и играл, то для вида. На деле же тут шла какая-то «подпольная» движуха. Только вопрос – какая именно?

Впрочем, я прекрасно понимал, что на блюдечке с голубой каёмочкой мне никто ничего выкладывать не будет. Да и не надо, сам узнаю. Знакомство с вахтёром – штука полезная, это я уже понял...

Я кивнул, оглядывая «супермаркет», скрывавшийся в подсобке.

– Ладно, ключ дам. Только чтоб без кипиша. Я ж с тебя лично спрошу, усёк?

Вахтёр обрадовался и часто-часто закивал.

– Спасибо большущее, Петрович! Я тебе завтра бабки переведу...

– Куда? – уточнил я, не совсем понимая, про что он говорит.

– Ну как куда... по СБП или СПБ... пфу ты, блин... По номеру, короче!

Что такое «СБП» или «СПБ» я знать не знал.

– Завтра сам зайду и заберу налом, – я потрепал его по плечу.

– А ключ...

– А ключ, как будут бабки. Утром деньги, вечером стулья. Слышал?

Я уже собирался уходить, но взгляд зацепился за полку в углу. Там стояли пластиковые бутылки с мутноватой жидкостью. Та самая самогонка, что я видел у Глобуса. Рядом лежал блок сигарет, на нём – сигареты без пачки, перехваченные резинкой.

– Слышь, предприниматель, а самогонка у тебя в какую цену? – спросил я.

– Да так, чисто символически, за пятьсот рублей литр отдаю. Сам с этого ничего не имею...

Я не стал слушать эти откровения бывалого зачесывателя. Но задумался, причём крепко.

Понятно, что Глобус свой нос красный не с минералки получил. Значит, закупается тут же. Но не уверен, что он столько алкоголя пьёт. Тупо денег не хватит... или он, может, постав-

ляет свой «продукт» на продажу. Нет, ничего страшного в этом я не вижу, каждый вертится так, как умеет.

Меня другое волновало – чтобы эту дрянь вахтёр детям не толкал. Однако спрашивать у него на эту тему я не стал, всё равно соврёт, у него язык без костей. Но в память себе отложил – надо обязательно проверить при первой возможности.

– Ладно, братец. Запомнил я твой Черкизон. Бывай! – бросил я, наконец попрощавшись с ушлым вахтёром.

Глава 7

Как говорится: сделай дело – гуляй смело! Вот и я, отстрелявшись, вышел из школы и остановился на крыльце, оглядевшись по сторонам.

Двор школы так и пестрел машинами. Мамы и папы (но в основном всё-таки мамы) выстроились в шеренгу, будто дежурные на блокпосту. Каждый родитель караулил своего ребёнка. Видимо не все ученики в школе были из неблагополучных семей. Вернее даже, все были из благополучных, кроме моего класса... Я медленно обвёл взглядом огромную толпу, будто собравшуюся митинговать.

Вот это да...

Лично для меня картина была совсем уж непривычной. В мои школьные годы родители учеников пахали на заводах от зари до зари, и чада были предоставлены сами себе большую часть времени. Звонок отзвенел – и всё, дальше сам себе хозяин. Пешком, в обход гаражей, домой или с пацанами в футбол. Каждый решал сам... А тут – шагу без присмотра ступить нельзя.

Хорошо это или плохо, судить берусь – плохо! Когда мамка или папка тебя со школы встречают, портфель несут и выбирают сандалии. Кто ж под таким присмотром вырастет?

Ну и ощущение было такое, что никто в этом новом времени не работал в принципе. Иначе как объяснить, что посредине рабочего дня у школы собрался целый табун родителей?

Стоило мне появиться на крыльце, как одна зоркая родительница тотчас меня заметила. – Девочки, вон Владимир Петрович! – взвизгнула она.

Её визг был воспринят как призыв, другие мамочки мигом повернулись в мою сторону. Ещё мгновение – и табун «поскакал» ко мне. Мамочки меня окружили, словно рой пчёл.

Одна – в белой джинсовой жилетке, другая – в блестящей лакированной кожанке, третья – вся в леопардовых пятнах.

Кстати, все они напомнили мне секретаршу директора. Лица такие же, будто этих девиц покусали пчёлы. Одна на другую похожие почти как две капли воды... будто на одной пасеке паслись.

Понимание пришло сразу же – походу никакие это не пчёлы. Хрен его знает, что они с собой делают, но похоже, что у людей тут своё понимание идеала красоты.

Я не знал, чего мамы от меня хотели. Я всё-таки не Юра Шатунов, чтобы меня одновременно окружало такое количество женщин. А единственное, что приходило в голову, – разборки насчёт того малого, которого я в коридоре за шкуру взял.

Но нет – старшая из них, высокая, в красной курточке, неожиданно улыбнулась. – Здравствуйте, Владимир Петрович, – пропела она сладким голосом. – Мы бы хотели вам принести коллективные извинения всего родительского состава седьмого «Б» класса.

О как.

Я замер, моргнул. Изменения? Или извинения? Ну да, когда у тебя губы надутые, правильно выговаривать слова крайне проблематично.

Мамочка протянула мне аккуратный конверт, а остальные закивали, словно хор бэк-вокалист. – Мы, конечно, сначала подумали, что это жестокое обращение с детьми, – протянула красная курточка. – Но потом София нам всё объяснила.

Вторая мамка в джинсовой жилетке захлопала ресницами, настолько длинными, что я даже сквозняк почувствовал. – И мы считаем, что вы правильно сделали, – заверила она.

– Да-да, – встряла третья, с золотыми серёжками в форме сердечек. – Нужно такое поведение пресекать на корню! Иначе они же вообще на голову сядут!

Я стоял, слушал и чувствовал себя так, будто меня хвалит комитет по этике. Что отвечать – не знал, поэтому просто пожимал плечами. Конверт взял. Как я понял, туда положили «премию». Кто молодец? Я, что тут ещё скажешь!

Я сунул конверт во внутренний карман. Думал встать на лыжи – за спинами мамочек виднелся мой «Матиз». Но дамы на этом не остановились.

– А как у Иванова дела? – спросила первая. – А как у Сидорова? – перекрикнула её вторая. – Владимир Петрович, у Филатова официальное освобождение от физкультуры! – воскликнула третья. – Он вам справку принесёт.

Активность этих дамочек поражала. Было бы можно, и они сами бы сели за парту вместо своих сынков и дочек.

Ну а сейчас был нюанс – кто такие эти Иванов, Петров, Сидоров, я не знал. Поэтому ответить хоть что-то внятное тоже не смог бы.

Я поднял ладони, хлопнул так, чтобы гул стих. – Так, дамы! Всё услышал, всё учту. Дела у всех хорошо, проблем в классе нет. А сейчас мне пора.

Я поднял руки над головой, сцепил пальцы и потряс. – Всего хорошего!

Они закивали разом, как куклы, у которых головы на пружинах. И, к счастью, дали мне коридор для отхода. Я им тотчас воспользовался и принялся протискиваться к своему автомобилю.

Уже уходя, услышал причину, по которой ко мне проявлялся такой повышенный интерес. – Девчата, – понизив голос, заворковала красная курточка. – Гордеев же теперь три оценки ставит в аттестат! – Надо ему ещё какой-нибудь подарок сделать, от родительского комитета, – зашептала белоснежная жилетка.

О чём говорили дальше, я уже не услышал. Подошёл к своему «Матизу», на который нельзя было смотреть без слёз. Тачка напоминала старую клячу и даже кренилась набок. Что, впрочем, неудивительно – во мне теперешнем веса было килограмм сто тридцать, не меньше. Как этот «воробушек» выдерживал подобный вес, лично для меня было загадкой.

Я достал ключи, нажал на кнопку сигналки и потянул за ручку двери. Петли ответили жалобным писком. Дверь подалась тяжело, неохотно, словно молила: «Не пускай этого кабана внутрь, добьёт он меня окончательно».

Ну тут уж простите-извините, я сам жопе с полутораметровым обхватом не шибко рад.

Я опустил в кресло, и машинку перекосило ещё сильнее. Пружины прогнулись чуть ли не до асфальта. Я замер, боясь пошевелиться и опасаясь, что ещё одно движение – и я провалюсь к чёрту сквозь днище. Руль врезался в живот, колени поджались так, что я едва мог дышать.

Я попробовал дёрнуть рычаг, чтобы отодвинуть сиденье, но бесполезно. Оно уже было отодвинуто по максимуму. – В тесноте, да не в обиде, – прошептал я, пытаюсь устроиться удобнее.

На этом сюрпризы не закончились. Стоило оглядеться – и я обнаружил здесь целый склад..., но не боеприпасов. Неа. Склад здесь был по-настоящему продовольственный. Частично совмещающий функции свалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.